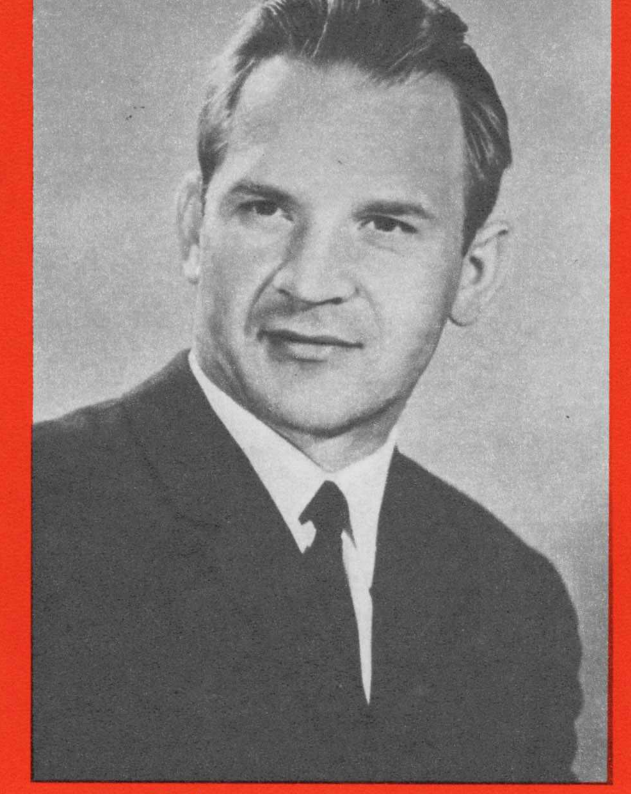

Г. С. Шонин.

В. Н. Кубасов.

А. В. Филипченко.

ОГОНЁК

№ 42 ОКТЯБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ШТУРМ ВСЕЛЕННОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В. Н. Волков.

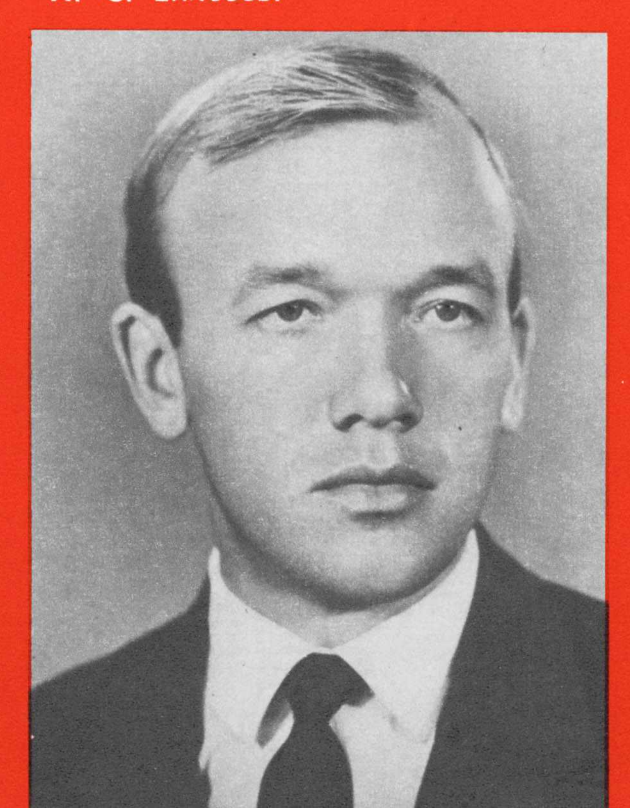

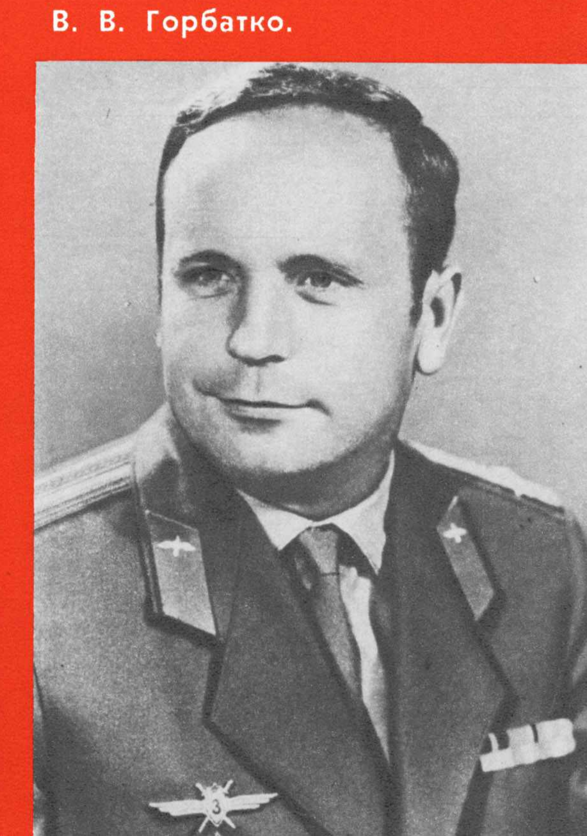
В. А. Шаталов.

А. С. Елисеев.

В. В. Горбатко.

Каждый рейс в космос начинается отсюда: перед отъездом на космодром космонавты приходят на Красную площадь, в Кремль. Когда был сделан этот снимок у памятника В. И. Ленину, имена четырех уже знала планета Земля, имена пятерых она услышала несколько дней назад. На снимке (слева направо): Владимир Шаталов, Виктор Горбатко, Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Владислав Волков, Павел Беляев, Георгий Шонин, Георгий Береговой и Алексей Елисеев в Московском Кремле, у памятника В. И. Ленину.

Фото А. Моклецова (АПН).

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ В ГРУППОВОМ ПОЛЕТЕ

11 октября в 14 часов 10 минут московского времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-6». Корабль с высокой точностью был выведен на расчетную орбиту спутника Земли.

Космический корабль «Союз-6» пилотирует подполковник ШОНИН Георгий Степанович, бортинженер корабля — кандидат технических наук КУБАСОВ Валерий Николаевич.

Продолжая намеченную программу научно-технических исследований и экспериментов кораблей «Союз», 12 октября 1969 года в 13 часов 45 минут московского времени в Советском Союзе был произведен запуск второго космического корабля — «Союз-7».

Экипаж корабля: командир подполковник ФИЛИПЧЕНКО Анатолий Васильевич, бортинженер ВОЛКОВ Владислав Николаевич, инженер-исследователь подполковник ГОРБАТКО Виктор Васильевич.

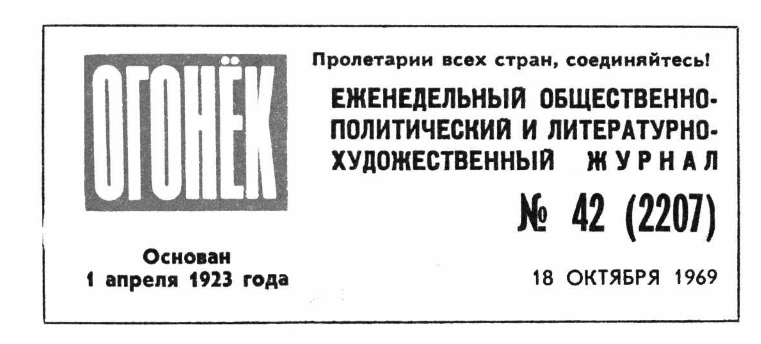
Через сутки стартовал космический корабль «Союз-8».

Экипаж корабля: командир Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР полковник ШАТАЛОВ Владимир Александрович, бортинженер Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, кандидат технических наук ЕЛИСЕЕВ Алексей Станиславович.

«Весь наш народ желает вам успешного выполнения задания и благополучного приземления.

Обнимаем вас и ждем на родной земле»,— говорится в приветственной телеграмме руководителей партии и правительства космонавтам — участникам группового полета космических кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8».

ТРИ СОВЕТСКИХ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯ НА ЗВЕЗДНОЙ ОРБИТЕ!
ЕЩЕ ОДИН ШАГ В ОСВОЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ!
ЗЕМЛЯ ГОРДИТСЯ ВАШИМ ПОДВИГОМ, ОТВАЖНЫЕ СЫНЫ СТРАНЫ СОВЕТОВ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 42 (2207)
Основан 1 апреля 1923 года
18 ОКТЯБРЯ 1969

С. БОРЗЕНКО, Н. ДЕНИСОВ

КОСМИЧЕСКАЯ „БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА"

Очерк написан
для журнала «Огонек»
специальными корреспондентами
«Правды»

Небольшой двухэтажный коттедж, окруженный фруктовым садом и аккуратно подстриженными кустами роз Сюда, в гости к известному ракетостроителю и конструктору космических кораблей академику Сергею Павловичу Королеву, мы приехали однажды вместе с Юрием Гагариным. Все эти деревья ученый посадил своими руками, он любил физический труд и в свободные часы с удовольствием копался в земле.

Беседа наша в тот раз проходила на втором этаже, в скромно, по-деловому обставленном кабинете: старинной работы массивное бюро, шкафы, наполненные книгами, несколько удобных кресел. На стенах портрет молодого К. Э. Циолковского и групповая фотография семи крупнейших советских ученых. Среди них рядом с И. В. Курчатовым — знакомая коренастая фигура хозяина кабинета.

«Большая Медведица»,— пошутил Гагарин. Он, как и мы, впервые увидел эту фотографию семи звезд советской науки и техники.

С. П. Королев улыбнулся: «Хорошее число семь» — и пояснил: «Из всех многих созвездий, щедро рассыпанных там, в космосе, мне больше всего нравится светящийся в небе ковш».

Давнишний разговор невольно пришел на память в эти дни, когда на высокие орбиты вышли три новых космических корабля — «Союз-6», «Союз-7», «Союз-8». Космос штурмуют семеро отважных советских людей! Такого еще не было в космонавтике: в звездном океане одновременно совершают стремительное плавание три космических каравеллы, над нашей планетой несут трудную вахту сразу семеро космонавтов. Поистине «Большая Медведица»!

Радио, телевидение, газеты уже подробно рассказали об отважной семерке, о том, что происходит на орбитах, которыми космические корабли опоясывают земной шар. Нам хочется поделиться с читателями «Огонька» лишь некоторыми заметками, сделанными на космодроме и в «Звездном городке».

Каждый советский человек да и все наши зарубежные друзья обрадовались, когда вслед за именами членов экипажей «Союза-6» и «Союза-7» услышали, что командиром третьего корабля — «Союза-8» летит Герой Советского Союза Владимир Александрович Шаталов. Впервые его имя мир услышал в январе нынешнего года, когда экипажи «Союза-4» и «Союза-5» создали первую экспериментальную космическую станцию. Тогда главную, активную роль во взаимном поиске кораблей в бескрайнем космическом пространстве играл командир «Союза-4» Владимир Шаталов.

Он сравнительно молодой космонавт, пришедший в «Звездный городок» уже после того, как были совершены полеты нескольких первых «Востоков». Однако тот незаурядный летный опыт, который был накоплен им во многих сотнях полетов в стратосфере на крутокрылых реактивных истребителях, дал возможность быстро освоить космическую технику, выдвинуться в число наиболее подготовленных исследователей космоса. Именно таким человеком глубоких и всесторонних знаний, обладающим острым аналитическим мышлением, Владимир Шаталов предстал перед журналистами многих стран на широкой послеполетной пресс-конференции. Помнится, один из корреспондентов крупного зарубежного агентства, прослушав обстоятельный доклад Шаталова о работе, проделанной на орбите, сказал нам: «Эрудит... Мыслит, словно ученый...» А другой журналист добавил: «У него такой же меткий глаз, какой был у Гагарина...» С этими лестными мнениями нельзя было не согласиться.

Недавно нам довелось быть свидетелями примечательной встречи приехавшего в нашу страну американского космонавта Фрэнка Бормана с советскими исследователями космоса. Выступая в клубе, Фрэнк Борман очень уважительно говорил о вкладе, который, начиная с Юрия Гагарина, сделали советские исследователи в освоение космоса. Он подчеркнул особое значение полета «Союза-4» и «Союза-5». В то время, когда в зале демонстрировался кинофильм об этом полете, они, Фрэнк Борман и Владимир Шаталов, сидели рядом. На экране появились кадры, показывающие, как радостно обнимались с Владимиром Шаталовым Евгений Хрунов и Алексей Елисеев. Зааплодировав, американский космонавт экспансивно заметил: «Как бы мне хотелось пережить столь счастливые минуты!»

Думается, что, услышав о полете трех новых советских кораблей, Фрэнк Борман припомнит ту встречу в «Звездном городке» и с радостью узнает в командире «Союза-8» Владимира Шаталова.

В космос поднялись и «старые» однополчане Юрия Гагарина, пришедшие в группу космонавтов «первого призыва» — Георгий Шонин и Виктор Горбатко. В биографиях их много общего. Они почти однолетки, родились в южных краях нашей земли и примерно на одной и той же параллели. Мальчиками в годы Великой Отечественной войны испытали вместе с семьями тяготы и невзгоды гитлеровской оккупации. С разницей в один год пошли служить в ряды Советской Армии, стали летчиками-истребителями, и теперь оба в космосе.

Детство Георгия Шонина, луганчанина родом, протекало в тихой, утопающей в зелени Балте, небольшом уютном городке на Одесщине. После окончания семилетки, оставив дома бабушку Марию Петровну, мать Софью Владимировну, брата Олега и сестру Джульетту, он умчался в солнечную Одессу, в спецшколу Военно-воздушных сил. Юноша жил тогда на Молдаванке. Вечерами любил гулять с товарищами по Пушкинской и Дерибасовской. С каменных ступеней знаменитой лестницы любовался силуэтами кораблей и никак не мог решить, что прекраснее, море или небо. Ему хотелось быть и моряком и летчиком. И когда пришло тому время, поступил в училище морских летчиков.

Вспоминались детство, бомбежки, гестаповские облавы в оккупированной врагом Балте, колонны девчат и хлопцев, угоняемых в фашистскую неволю, и детский страх за еврейскую семью, которую Шонины долгое время прятали на чердаке своего домика. На глазах мальчика развернулся ожесточенный уличный бой с эсэсовцами из дивизии «Мертвая голова»; он, пожалуй, был одним из первых жителей Балты, бросившихся навстречу советским воинам-освободителям. Потом носил цветы на братские могилы героев войны — где-то, в такой же могиле, покоится прах отца, солдата Степана Васильевича Шонина.

Кто знает, может быть, в казарме Ейского авиационного училища Шонин спал на той же курсантской койке, которая в свое время принадлежала его предшественнику в космосе, командиру «Восхода-2» Павлу Беляеву. Только тот после окончания летной учебы проходил службу на Тихом океане, а Шонин — сначала на Балтике, а затем на студеном Баренцевом мо Потом судьба свела их вместе — они попали в одну группу космонавтов, стали членами одной партийной организации, секретарем которой, сменяя Павла Беляева, уже пять раз избирался Георгий Шонин.

И уж если говорить об «игре случая», то нельзя не вспомнить, что первая встреча Шонина с Гагариным произошла на Севере — там они служили в соседних полках. Во время летно-тактических учений над морем они порою летали крыло к крылу. И на медицинской комиссии, отбиравшей кандидатов в космонавты, они оказались рядом. Пройти все ее преграды, пожалуй, было посложнее, нежели преодолеть в полете звуковой барьер!

Новые товарищи сразу же тепло приняли в свою семью общительного Георгия Шонина. Быстро нашлись и общий язык и общие интересы, казалось бы, с разными людьми. Особенно близко сошелся он с Германом Титовым: видимо, сказалась их обоюдная любовь к литературе, поэзии.

В пору службы на Севере Шонин познакомился с Лидией Федоровной Шумиловой, лаборанткой. Их многое связывало — и общность судьбы (у нее тоже погиб отец на фронте), и одинаковые взгляды на жизнь: оба любили стихи, книги, театр.

Однажды Лида, направляясь с Севера в отпуск, заглянула в «Звездный городок». Шонин упросил ее на сутки заехать в Балту, познакомиться с мамой, бабушкой. Проводил ее на поезд, а затем попросил трехдневный отпуск и ринулся вдогонку. Торопился, пересаживался с поезда на самолет. Он очень спешил, ему обязательно надо было застать Лиду в Балте... И он успел.

Молодые сыграли свадьбу и вместе вернулись в «Звездный городок».

Как и все в «Звездном городке», семья Шониных жила от полета к полету, в тревогах и заботах. Многих друзей провожал в космос Георгий Степанович, слышал их голоса, доносящиеся с орбиты, радовался успехам товарищей. Спокойный, уравновешенный, зная, что придет и его час, он не спешил, ибо каждый последующий полет становился все сложнее.

Когда в «Звездном городке» началась подготовка к полету кораблей «Союз-4» и «Союз-5», они оба, Георгий Шонин и Виктор Горбатко, были дублерами.

Дружба В. Горбатко, паренька с Кубани, и Евгения Хрунова, юноши из тульского села, насчитывает более полутора десятков лет. В авиационном училище обретать крылья им помогал один и тот же инструктор — Василий Андреевич Баскаков. Службу летчиков-истребителей они несли вместе. И вот теперь в группе космонавтов снова рядом. Виктор Горбатко уже не только летчик, но и инженер — в 1968 году без отрыва от работы он с отличием окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского.

Не без влияния завзятого книголюба Хрунова, слывущего среди сотоварищей «ходячей энциклопедией», Горбатко еще с курсантской поры пристрастился к чтению. С юношеских лет он увлекся театром, сам занимался в школьном кружке художественной самодеятельности. В клубе консзавода «Восход» ребята ставили «Молодую гвардию», и роль Сергея Тюленина была поручена Горбатко. А Любу Шевцову играла школьная подруга Виктора — Валя Ордынская, ставшая впоследствии его женой. Многое по душе Виктору Горбатко в обаятельном облике вихрастого, жизнерадостного, смелого молодогвардейца Тюленина: и мечта стать летчиком, и готовность к подвигу, и храбрость, сметливость, чувство товарищества, неуемный комсомольский задор, стойкость, верность своему народу до последнего вздоха.

Командиром «Союза-7», где подполковник Виктор Васильевич Горбатко выполняет обязанности инженера-исследователя, летит Анатолий Васильевич Филипченко. Хотя он и постарше, чем его товарищи по экипажу, но принадлежит, если можно так выразиться, к среднему поколению советских космонавтов: в группу исследователей космоса он, опытный авиатор, пришел уже тогда, когда были совершены полеты нескольких «Востоков», и медицинские «пробы» проходил вместе с Георгием Береговым и Владимиром Шаталовым. Юношеские мечты о небе свели их еще в спецшколе ВВС — Владимира Шаталова и Анатолия Филипченко. А потом они вместе проходили службу.

Это было сильное, хорошо подготовленное пополнение: в дружную семью космонавтов пришли военные летчики первого класса, у которых солидный опыт. Каждый из них провел в воздухе по полторы-две тысячи, а то и больше часов. Все они окончили командный факультет Краснознаменной Военно-воздушной академии, которая ныне носит имя Ю. А. Гагарина. И что греха таить, в ту пору иные из старожилов «Звездного городка» несколько настороженно отнеслись к появлению «новичков». А Юрий Гагарин радовался: к нам пришли сильные люди! Помнится, когда готовился к полету экипаж «Восхода», он, знакомя нас с Береговым, Шаталовым и Филипченко, полушутливо заметил: «Они хотя еще и «ученики», но столь способные, что того и гляди обгонят «учителей». А случившийся тут же Владимир Комаров добавил: «Каждый в своем деле профессор!..»

Новое пополнение, хорошо освоившись с «премудростями» сложных тренировок, сравнительно быстро вошло в космический строй и, как известно, сумело блестящими делами доказать свои способности. Год назад на «Союзе-3» выполнил сложный полет Георгий Береговой; в январе нынешнего года на «Союзе-4» впервые поднялся в космос Владимир Шаталов; теперь рядом с ним на орбите — командиром «Союза-7» Анатолий Филипченко.

Труден был путь Анатолия Филипченко к командирскому месту в кабине космического корабля. На первых порах в освоении космической техники ему в немалой степени помог земляк, тоже, как и он, воронежец, Константин Петрович Феоктистов. Случилось так, что, когда ученый готовился к полету на «Восходе», их места в столовой «Звездного городка» оказались рядом. Иной раз за обедом или ужином они делились впечатлениями о прожитом дне. Феоктистов разъяснял Филипченко некоторые трудные вопросы, связанные с изучением космической техники. Летчик не оставался в долгу, помогая ученому, проходившему летные тренировки, освоить новое для него авиационное дело. А Филипченко, бывший инспектор-летчик, тут действительно был своего рода профессором.

Самыми молодыми в космонавтике из той семерки отважных, о которых нынче говорит весь мир, являются бортинженеры кораблей Алексей Елисеев, Валерий Кубасов, Владислав Волков. Все трое ступили на космическую стезю примерно в одно время. То была пора, когда на смену «Востокам» и «Восходам» пришли новые, более совершенные корабли типа «Союз».

Помнится, с каким вниманием, сидя рядышком на пресс-конференции в университетском зале на Ленинских горах, Кубасов и Волков вслушивались в доклад своего коллеги Алексея Елисеева, когда инженер говорил о замечательных качествах кораблей типа «Союз». «Они представляют собою,— подчеркивал Елисеев,— комфортабельные космические лаборатории, удобные как для проведения научных экспериментов, так и для отдыха». И приводил сжатые, точные, выразительные характеристики основных систем и оборудования кораблей, условий работы экипажей, производства научных наблюдений.

Пять лет назад, когда на борту «Восхода» впервые в космосе оказался ученый — тогда кандидат, а ныне доктор технических наук Константин Петрович Феоктистов, многими это было воспринято как весьма смелый эксперимент. Ведь до того времени считалось, что успешно преодолевать трудности космического полета способны только особо закаленные люди, преимущественно летчики. Константин Феоктистов и его товарищ по экипажу, молодой врач Борис Егоров доказали, что в космосе могут активно работать люди многих специальностей. Опыт этот был продолжен, когда в космос полетел бортинженер Алексей Елисеев, а теперь — еще два бортинженера вышли на космические орбиты.

Если Георгий Шонин, Анатолий Филипченко, Виктор Горбатко, Владимир Шаталов — в прошлом опытные авиаторы, сформировавшиеся в стратосферных полетах на скоростных машинах, то у бортинженеров Елисеева, Кубасова и Волкова иной жизненный багаж, с которым они пришли в космонавтику. Основа этого багажа — обширные теоретические знания, полученные в вузе, опыт, накопленный на производстве, в конструкторских бюро.

Космонавт Георгий Шонин с женой Лидией, дочерью Ниной и сыном Андреем.

Фото А. Моклецова (АПН).

Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Алексей Елисеев и его жена Лариса на прогулке в подмосковном лесу.

Бортинженер космического корабля Валерий Кубасов в корабле-тренажере.

Космонавты Анатолий Филипченко (справа), Владислав Волков (с кинокамерой) и Виктор Горбатко перед началом тренировки в состоянии невесомости в самолете-лаборатории.

Космонавт Владимир Шаталов у себя дома.

Широко известен жизненный путь питомца МВТУ, кандидата технических наук Алексея Елисеева, вторично поднявшегося в космос. Валерий Кубасов — он с Владимирщины — и москвич Владислав Волков — питомцы Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе. Незадолго до полета трех наших космических кораблей мы побывали в этом институте и как бы вместе с Владиславом Волковым и Валерием Кубасовым преодолевали «рогатки» зачетов, экзаменов, «корпели» над дипломными проектами.

Вот аттестат зрелости Валерия Кубасова за № 034430, с которым он приехал в МАИ. Выдан Вязниковской средней школой № 2. Из четырнадцати оценок — тринадцать отличных: средняя школа была закончена с серебряной медалью. И еще: характеристика студента-выпускника Валерия Кубасова, написанная тогда деканом факультета, а ныне ректором института И. Ф. Образцовым: «Проявил себя отлично успевающим, способным студентом». Тут же отзыв преподавателей А. В. Колчина, Б. И. Соколова и А. Л. Абибова: дипломный проект Валерия Кубасова заслуживает отличной оценки.

А вот листки сочинения по русскому языку и литературе, написанного Владиславом Волковым на вступительных экзаменах в институт. Тема: творчество Владимира Маяковского. Точно, емко выражает свои мысли абитуриент-комсомолец, патриот Родины. Придирчивые преподаватели не нашли в сочинении ни единой ошибки. Тут же копия инженерного диплома Владислава Волкова — № 808642. Годом раньше такой же диплом, здесь же, в МАИ, был вручен его отцу Николаю Григорьевичу, авиаконструктору, который учился заочно, без отрыва от производства.

От отца Владислав унаследовал упорство, целеустремленность в овладении новыми рубежами. Бортинженер «Союза-7», питомец МАИ сумел овладеть и профессией летчика. В 1966 году его приняли в отряд космонавтов, он начал тренироваться на реактивных самолетах. И в то же время поступил в авиационно-спортивный клуб. Романтика пятого океана манила его еще в детские годы. Владислав Волков настойчиво овладевал премудростью фигур пилотажа, искусством пилотирования. В авиационно-спортивном клубе хранится дело курсанта Владислава Волкова. Есть в том деле журнал летной подготовки с записью: «Общий налет — 186 полетов, 27 часов 53 минуты; оценка по технике пилотирования — «отлично».

...Семеро смелых на трех кораблях бороздят звездный океан. Внимательно вслушиваясь в сообщения с высоких орбит, следя за тем, как трудятся экипажи, все советские люди от души желают им достойного завершения трудного и сложного полета. В космическую летопись нашей страны вписывается еще одна блестящая страница.

Аркадий КАНЫКИН

МЫ ЖДАЛИ...

Еще не названных —
до старта —
уже как близких полюбив,
мы ждали:
не сегодня-завтра...
Мы знали:
краток перерыв...

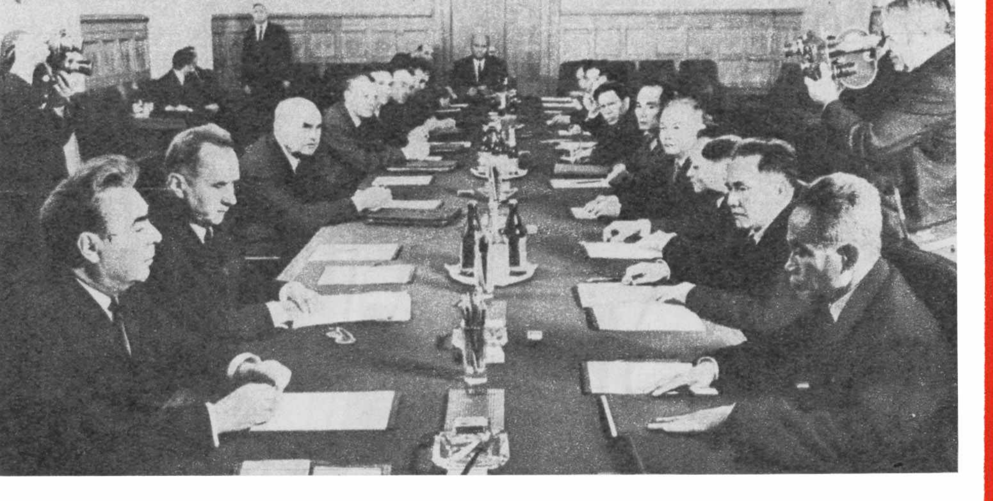
И вот —
антенны сердца
в каждом
коснулось сообщенье ТАСС,
как только над степною чашей
гул пусков медленно погас.

Понятные, родные люди,
как будто знали их сто лет!
И пусть маршрут удачным будет
для трех молоденьких планет!

Николай ШУМАКОВ

* * *

Вновь штурмуют гордо внуки Ленина
Целину космических высот.
И проходит точно и уверенно
Небывалый групповой полет.
Торжествуй же снова, наша Родина!
Флаг советский, снова гордо рей!
Славят в небе путь, тобою
пройденный,
Краснозвездных семь богатырей!

ГОСТЬ ИЗ ДРВ

По приглашению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в Москву прибыла партийно-правительственная делегация ДРВ во главе с членом Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама, Премьер-Министром правительства ДРВ товарищем Фам Ван Донгом. На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Демократической Республики Вьетнам и Советского Союза, дорогого гостя встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, министры А. А. Громыко, Н. С. Патоличев, Е. Ф. Логинов и другие официальные лица.

Приветствуя партийно-правительственную делегацию ДРВ во главе с товарищем Фам Ван Донгом, советский народ желает героическому вьетнамскому народу новых побед в борьбе за свободу, независимость и единство Вьетнама, успехов в социалистическом строительстве.

Фото А. Пахомова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в нашей стране находился с государственным визитом Президент Объединенной Республики Танзании Джулиус Камбарадже Ньерере.

Во время своего пребывания высокий танзанийский гость нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Танзанийская правительственная делегация провела переговоры с советскими государственными деятелями по вопросам дальнейшего развития и укрепления отношений и сотрудничества между Советским Союзом и Объединенной Республикой Танзанией, а также по некоторым международным проблемам, интересующим обе стороны.

Визит Президента Объединенной Республики Танзании Джулиуса Ньерере явится новым шагом в развитии и укреплении дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Танзанией на благо обоих народов и всех революционных, прогрессивных сил.

Фото А. Устинова.

ФРАНЦУЗСКИЙ МИНИСТР ПОКИДАЕТ МОСКВУ

Закончился визит в Советский Союз министра иностранных дел Франции Мориса Шумана. Во время своего пребывания в СССР французский гость имел ряд встреч с советскими государственными и политическими деятелями. Его принимали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

В советско-французском коммюнике подчеркнута важность контактов на высоком уровне, что подтверждается опытом отношений между СССР и Францией последних лет.

НА СНИМКЕ: министр иностранных дел Франции Морис Шуман встретился с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото А. Стужина (ТАСС).

Интервью участника международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, Первого секретаря Коммунистической партии Иордании товарища Фуада Нассара корреспонденту журнала «Огонек» Евгению Ивину.

НЕОДОЛ ЕДИНСТ

ВОПРОС. Какое место занимает национально-освободительное движение арабских народов в общей антиимпериалистической борьбе?

ОТВЕТ. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве подчеркнуло, что единство действий всех антиимпериалистических сил необходимо для развертывания широкого наступления на империализм. В общем фронте антиимпериалистической борьбы значительное место занимает национально-освободительное движение, в том числе и арабских прогрессивных сил.

Решения последнего Совещания, единодушие коммунистов в обсуждении поднятых вопросов имеют большое значение для консолидации арабского национально-освободительного движения перед лицом империалистической и сионистской опасности. Для арабских прогрессивных сил в настоящее время основная проблема — ликвидация последствий израильской агрессии, этого империалистического заговора против свободы и независимости арабских народов, и решение палестинской проблемы на справедливой основе. Борьба с империализмом и сионизмом на Ближнем Востоке является составной частью мирового революционного процесса и, следовательно, играет важную роль в общем антиимпериалистическом фронте.

На современном этапе арабское национально-освободительное движение уже обретает отчетливый антиимпериалистический и антикапиталистический характер, что еще теснее связывает его с мировой социалистической системой и рабочим движением в капиталистических странах.

ВОПРОС. Единство — необходимое условие борьбы. В этой связи как бы вы охарактеризовали действия современного ревизионизма и оппортунизма внутри мирового революционного движения?

ОТВЕТ. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий показало всю остроту борьбы революционных сил против империализма. Оно вскрыло, что в этой борьбе вольно или невольно сторонником империализма выступает оппортунизм и ревизионизм. С их помощью враги прогресса пытаются изнутри подорвать единство международного коммунистического и рабочего движения. Оппортунизм и ревизионизм наносят особенно большой вред национально-освободительной борьбе народов Азии, Африки, Латинской Америки. Враждебное отношение к социалистическому содружеству направлено на то, чтобы отколоть национально-освободительное движение от народов, идущих по пути социализма.

Поэтому общие интересы борьбы против империализма настоятельно требуют разоблачения целей и задач современного ревизионизма и оппортунизма.

ВОПРОС. Чем сегодня грозит миру империализм?

ОТВЕТ. Американский империализм несколько лет ведет войну во Вьетнаме, пытается силой оружия навязать свободолюбивому народу свое господство. На Ближнем Востоке правящие круги Израиля при поддержке того же американского империализма продолжают проводить агрессивную политику против арабских стран, крайне обострили положение в этом районе и создали тем самым реальную угрозу безопасности народов.

Империализм пытается наступать не только в Азии и на Ближнем Востоке. В настоящее время очагом военной опасности становятся реваншистские и милитаристские круги Западной Германии, где начинает поднимать голову неонацизм. Факты свидетельствуют, что западногерманские политики охотно идут сейчас на расширение различных контактов с Израилем, в том числе и военных.

Империализм был и есть источник военной опасности, источник напряжения и агрессии, это давно доказал в своих трудах товарищ В. И. Ленин. С тех пор сущность империализма не изменилась. Но в настоящее время империализму противостоит мощная сила в лице лагеря социализма во главе с Советским Союзом, революционного движения рабочего класса капиталистических стран и национально-освободительного фронта.

ВОПРОС. Вы назвали три потока мирового революционного процесса и сказали, что их единство является главным условием успешной борьбы с империализмом. А как вы оцениваете роль Советского Союза в этой борьбе?

ОТВЕТ. Без Советского Союза и стран социалистического содружества борьба с империализмом была бы очень тяжелой. Несомненно, потребовались бы многие десятки лет, чтобы колониальные народы добились своего национального освобождения. Октябрьская революция, первое Советское государство открыли путь к свободе закабаленным народам Азии, Африки, Латинской Америки. Советский Союз сейчас достаточно силен, чтобы сорвать провокации и заговоры империализма и оказать необходимую поддержку молодым развивающимся странам. Мы, коммунисты, понимаем, что должны не только надеяться на Советское государство, но и мобилизовать внутренние силы в наших странах для оказания отпора проискам империализма и сионизма.

Советский Союз и его Коммунистическая партия являются главной опорой антиимпериалистического фронта. Делаются попытки принизить значение Советского Союза в общей борьбе против империализма, но многие делегаты последнего Совещания единодушно признали заслуги КПСС и Советского государства в укреплении мира и безопасности народов. Советский Союз проводит подлинно марксистско-ленинскую интернациональную политику, поддерживает борющиеся за свое освобождение народы. И для сегодняшнего дня справедливы слова Владимира Ильича Ленина, который говорил, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой».

Советский Союз не только показывает пример высокоорганизованной хозяйственной политики — советские коммунисты на прошедшем Совещании подтвердили готовность продолжать поддержку

ИМОЕ

ВО

народов развивающихся стран, в том числе и арабских, в их усилиях развивать национальную экономику.

ВОПРОС. Что вы можете сказать о помощи СССР арабскому национально-освободительному движению?

ОТВЕТ. В своем выступлении на Совещании товарищ Л. И. Брежнев особо подчеркнул, что КПСС и советский народ не ослабят усилий, направленных на претворение в жизнь положений резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, которая открывает путь к установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, и впредь будут оказывать всестороннюю помощь арабским государствам, подвергшимся агрессии. Не секрет, они нуждаются в такой поддержке. В настоящее время в ряде арабских стран проходит этап национально-демократических революций и радикальных преобразований. Доведенные до конца, они позволят им стать на путь социалистического развития. Поддержка КПСС и Советского государства в значительной мере облегчает продвижение к этому. Было бы неверным считать, что некоторые арабские страны уже строят социализм. Он еще не стал кардинальной проблемой и главной целью арабских народных масс на современном этапе, но прогрессивные мероприятия и тенденции, которые уже имеют место на Ближнем Востоке, неизбежно приведут к созданию материальных и политических предпосылок для поворота к социализму.

Стимулом в борьбе за социализм является убедительный пример — Советский Союз, который за полвека прошел путь от хозяйственной разрухи и неграмотности до вершин в экономическом и культурном развитии. Все это стало возможным благодаря научной теории коммунизма, разработанной применимо к практике социалистического строительства великим вождем международного пролетариата Владимиром Ильичем Лениным, столетие со дня рождения которого скоро отметит весь земной шар. Этот юбилей будут праздновать не только коммунисты, но и все борцы за свободу и прогресс во всем мире. Этот день станет праздником единства антиимпериалистического фронта, днем усиления борьбы против империализма, за победу социализма.

Мы, коммунисты, высоко оцениваем заслуги В. И. Ленина перед международным революционным движением. Он дал ответы на сложнейшие вопросы сегодняшнего дня и будущего, он указал путь борьбы современникам и потомкам, которым предстоит продолжать строительство прекрасного здания — коммунизма. Его идеи применимы к нынешней антиимпериалистической борьбе, потому что они верны и проверены опытом. Следуя заветам В. И. Ленина, арабские народы добьются полного социального и национального освобождения и пойдут по пути социализма.

Решения нашего последнего Совещания послужат нам действенным руководством в предстоящей борьбе с силами империализма, неоколониализма и сионизма.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ГОЛОС РАЗУМА

Михаил **КОТОВ**

Те, кто создавал Организацию Объединенных Наций, несомненно, рассматривали ее как важный центр, регулирующий бурлящий поток международных событий. Не всегда этот центр действовал надежно, не всегда и не везде события развивались так, как этого требовали народы. Но всегда на страже Устава Организации Объединенных Наций, на страже всеобщей безопасности стояли страны социалистического содружества и другие миролюбивые государства. Так это произошло и на текущей, XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

С огромным удовлетворением широкие круги международной общественности восприняли весть о том, что сессия Генеральной Ассамблеи включила в свою повестку дня вопрос «Об укреплении международной безопасности», внесенный от имени Советского правительства министром иностранных дел А. А. Громыко, а также предложение СССР и других социалистических государств «О заключении Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожении».

Естественно, в эти дни люди доброй воли ждут, что скажут остальные участники сессии об этих пунктах повестки дня, какие шаги предпримет ООН, чтобы поддержать предложения стран социалистического содружества. Конечно, Феликс Иверсен, ветеран всемирного движения за мир, видный финский ученый, возможно, и не всем известен на нашей планете, но его безукоризненная честность позволяет ему говорить от имени многих и многих миллионов таких же честных людей, живущих в разных странах и на разных континентах. Я встречался с ним в эти дни. Это он, отвечая как-то на выпады западной пропаганды, сказал с кафедры Хельсинкского университета: «Я готов бороться за мир до последнего дыхания. Во имя мира я готов отправиться даже в ад и сразиться с самими чертями».

Иверсен сидит напротив меня и, энергично отчеканивая каждое слово, говорит:

— Я много путешествовал по свету. Но сегодня очень хотел бы поехать в Нью-Йорк, на Генеральную Ассамблею, и сказать там, что думают о современном положении в мире все люди доброй воли... Мы должны бить тревогу! Слишком большая опасность надвигается на человечество. Надо действовать решительно, пока не поздно.

Я слушал взволнованные слова Иверсена, нашего давнишнего соратника по борьбе за мир, и, понимая его, разделял его тревогу и надежды. Ведь каждый день приносит нам беспокойные вести. Продолжают неистовствовать американские агрессоры во Вьетнаме и их израильские подручные на Ближнем Востоке. Активизируются милитаристы, реваншисты и неонацисты в Западной Германии. В секретных лабораториях западных держав отрабатывается новейшее химическое и бактериологическое оружие массового истребления людей. Стало известно, что в этой чудовищной деятельности участвует не только Пентагон, но даже Американская академия наук.

Как своевременно прозвучал голос разума стран социализма с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН! Весь мир требует от Генеральной Ассамблеи конкретных и решительных мер по оздоровлению всей международной обстановки. «Выступление советского министра иностранных дел А. А. Громыко,— вынуждена процедить сквозь зубы английская газета «Гардиан»,— в общем и целом было воспринято Генеральной Ассамблеей благосклонно и расценено как конструктивное». Ну что ж, подождем теперь, что скажут официальные представители западных держав в ходе дебатов по повестке дня сессии. Положение у них явно не из легких. Но изощренные дипломаты — выученики монополий — будут, как это было и раньше, стремиться потопить жизнеутверждающие предложения социалистических стран в потоке красивых и вместе с тем лицемерных слов.

Однако весь мир бьет в набат, призывая страны и правительства, пока еще не поздно, к разуму, напоминает, во имя каких целей после второй мировой войны была создана Организация Объединенных Наций. Пожалуй, лучше всего эти чаяния выразила прогрессивная американская газета «Дейли уорлд», которая недавно писала, что советские предложения «заслуживают самого тщательного изучения, особенно американцами. Чтобы помочь ООН быть на уровне идеалов ее Устава, Громыко призывает, во-первых, потушить пожар войны там, где он уже полыхает, и, во-вторых, принять эффективные меры для защиты человечества от подобных пожаров и своевременно ликвидировать источники потенциальных конфликтов и осложнений».

Я спросил Евгения Вучетича, прославленного советского скульптора, народного художника СССР, чего он ждет от нынешней сессии ООН. Улыбнувшись, Вучетич ответил:

— Я очень хотел бы, чтобы делегаты двадцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН еще раз внимательно посмотрели на мою скульптуру «Перекуем мечи на орала», в которой я выразил все свои надежды...

НАСТОЯЩИЙ ГОРОД

В этом разговоре участвовали трое. Собеседников разделяло почти столетие. Двое задавали вопросы, а отвечал на них

А. Ф. СЕМАШКО, первый секретарь Глазовского горкома партии

Девяносто лет назад Владимир Галактионович Короленко был без суда и следствия сослан под надзор полиции в Вятскую губернию. За политическую неблагонадежность,— так сказал ему вятский губернатор. 3 июня 1879 года молодой писатель прибыл к месту своей высылки — в заштатный город Глазов. Городок, сиротливо затерявшийся в лесной глуши, поразил Короленко своей странной призрачностью, ненатуральностью, ненужностью.

«Ненастоящий, ненастоящий»... Мне пришло в голову это слово. Как, в самом деле, он возник и почему существует? Неужели для этого достаточно было выстроить «замск» со стеной и решетками, поселить в центре исправника с десятком полицейских и развести несколько десятков людей в сюртуках темно-зеленого сукна, умеющих составлять и переписывать бумаги...»

Глазову Владимир Галактионович посвятил очерк, который так и называется: «Ненастоящий город». Читаешь его, и возникают щемящие сердце картины: нужда, забитость, неприкаянность и никчемность существования горстки российских подданных, обитающих в ненастоящем городе... И захотелось узнать, а каков ныне Глазов — город республиканского подчинения, один из районных центров Удмуртской АССР?

Корреспондент «Огонька» взял интервью у первого секретаря Глазовского горкома КПСС Алексея Федоровича Семашко. Обычно в таких беседах участвуют двое. А при этом разговоре незримо присутствовал третий: В. Г. Короленко. Свои вопросы Алексею Федоровичу мы предваряли выдержками из очерка «Ненастоящий город». И получилось так, словно писатель-демократ, с болью душевной рассказавший о старом Глазове, пристрастно допрашивает своих потомков: что вы сделали для того, чтоб превратить Глазов в настоящий город, чтоб жизнь в нем стала достойна вашего великого времени?

* * *

В. Г. Короленко. Типичный городок северо-востока. Два, три каменных здания, остальное все деревянное. В центре полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка, очевидно, пришедшая в негодность, и рядом огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами. Он поднялся в центре города, подавляя его своей величиной, но не дорос до конца и остановился...

«Огонек». Алексей Федорович, скажите, что теперь определяет внешний облик вашего города?

А. Ф. Семашко. Если бы Владимир Галактионович мог сегодня приехать в Глазов, он наверняка подумал бы, что попал по ошибке совсем в другое место. Нынешний Глазов — огромная строительная площадка. Именно это и определяет его облик. Уже с 1959 года город развивается в соответствии с генеральным планом, который разработали для нас друзья в городе на Неве — «Ленгипрогор». По плану в Глазове должно быть создано четыре крупных жилых района, и только один из них — северо-восточный — возникнет в черте старого города. Собственно говоря, старого города, каким описал его В. Г. Короленко, давно нет. На месте старых домишек выросли многоэтажные здания, по-современному красивые и по-современному удобные.

«Огонек». Какое из новых зданий вам самому больше всего нравится?

А. Ф. Семашко. Трудно сказать... Мне все нравятся. Но все-таки, пожалуй, самое красивое — это девятиэтажная гостиница. Глазовцы — народ гостеприимный, и для приезжих особенно постарались.

«Огонек». А не пытались ли вы представить: каким станет ваш город, скажем, через двадцать лет?

А. Ф. Семашко. Как раз на днях мы именно об этом беседовали с нашим архитектором Лидией Ивановной Храмченковой. Ей будущий Глазов по ночам снится... И представляет она его так: небольшой, всего на сто тысяч населения, компактный город. Жилые кварталы застроены в основном 5—9-этажными домами. Прямые, широкие радиальные улицы сходятся у площади Свободы, расположенной в самой высокой точке города, на речном берегу. Здесь высятся памятник Победы, Дом Советов, театр, музей с выставочным залом, большие магазины. И все это утопает в зелени, украшено газонами и цветниками.

В. Г. Короленко. Замечательно, что почти все ремесленные силы слободки устремляются роковым образом к сапогу. Во всем городе было в мое время только два слесаря. Да и то силы одного, глубокого старика, были поглощены почти исключительно починкой пожарного обоза, а другой был собственно жестянник. Когда в городе явились четверо слесарей ссыльных,— к ним хлынули заказы в таком количестве, что они не успевали справляться. Столяр был один на весь город (тоже ссыльный из уголовных), и он ломался над заказчиками, чувствуя себя хозяином положения.

А «чеботные» все продолжали учить ребят своему «ненастоящему» ремеслу...

«Огонек». Какая профессия наиболее популярна у горожан теперь?

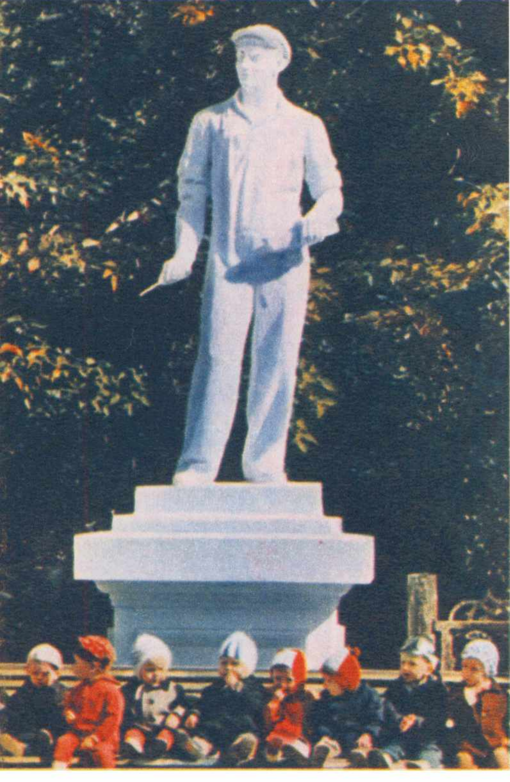
А. Ф. Семашко. Мой ответ, видимо, не будет для вас неожиданным: наиболее популярны строители. Это естественно, именно их руками возведены предприятия и новые жилые дома, культурно-бытовые и спортивные сооружения. Словом, все, что сделало жизнь глазовцев современной, в полном смысле слова — настоящей.

В городе действует сейчас два с лишним десятка предприятий. Скоро прибавится еще одно: строится завод химического машиностроения. Выпускаем самую разнообразную продукцию: строительные материалы и металлоизделия, слесарные инструменты и мебель, одежду, трикотаж, пищевые продукты, а кроме того, заготовляем и перерабатываем древесину.

В. Г. Короленко. Случается порой покупателю, забирающему товар в долг в известной лавке, пробраться по невообразимым топям немощеной площади и увидеть на дверях лавки Ивана Никифоровича замок.— «Иван Никифорович уехали с товаром»,— говорят ему соседи. Это значит, что Иван Никифорович, имеющий тоже полное основание считать своего покупателя «ненастоящим»,— собрал товар в телеги и уехал вместе с приказчиками к храмовому празднику в село или

Федор Богатырев удостоен стипендии имени Короленко. Он учится на четвертом курсе Педагогического института, носящего имя писателя.

Глазовские ребятишки.

Вблизи от города расположен дом отдыха.

На реке Чепце.

Михаил Андреевич Корчемкин — главный врач диспансера.

Фото М. САВИНА.

Ольга Третьякова, работница Горпромкомбината.

Глазов растет не только вширь, но и ввысь.

Девятиэтажная гостиница — одно из самых красивых зданий города.

Под стать гостинице и новый ресторан.

на один из заводов, хорошо зная, что покупатель все равно не пойдет к другому: не дадут в долг...

«Огонек». В какие магазины сейчас ходит глазовский житель?

А. Ф. Семашко. Ну, уж теперь-то он не стал бы дожидаться Ивана Никифоровича! В долг ему брать не нужно: наличных вполне хватает. Магазинов много, выбирай любой. И идет покупатель по чистым, асфальтированным улицам в десять специализированных промтоварных магазинов, в два универсальных, восемь смешанных и сорок продовольственных. Самые крупные и наиболее популярные — если судить по товарообороту — универмаги, мебельный, «Детский мир», «Одежда».

«Огонек». Чем же они нравятся вашим землякам?

А. Ф. Семашко. Видимо, тем, что в этих магазинах больше всего думают о том, как бы получше удовлетворить требования покупателей. Именно там наиболее развиты прогрессивные методы торговли: самообслуживание, широкая выкладка товаров, выставки-распродажи, раскрой тканей по просьбе покупателя. Можно сделать заказ, и покупку доставят на дом.

«Огонек». Какие товары пользуются наибольшим спросом?

А. Ф. Семашко. Таких довольно много: изделия из шерстяного трикотажа, часы, мебель, автомобили, мотоциклы, холодильники, телевизоры. За восемь месяцев нынешнего года продано 2 166 холодильников, 1 200 телевизоров, 5 788 часов, 41 автомашина, 92 мотоцикла.

В. Г. Короленко.— Конечно, что... работа наша таковская...— говорил мне Нестор Семенович, у которого я стал учиться сапожному ремеслу.— Какие мы мастера, где учились! Постучит мальчишка молотком по подошве года два,— мастер! Нешто с такой учебой дойдешь до дела!..

«Огонек». Где теперь обучается профессиям местная молодежь?

А. Ф. Семашко. Воспитание юношей и девушек мы начинаем с воспитания их родителей. В городе работает 154 всевозможных лектория, которые посещают тысячи человек. А что касается молодежи, то она может выбрать любое учебное заведение, которое отвечает ее склонностям: педагогический институт или медицинское училище, сельскохозяйственный техникум, торгово-кооперативную школу или промышленно-техническое училище.

В. Г. Короленко. Городская жизнь бедна впечатлениями. В праздничные дни, когда в сумерки из двух стоящих рядом кабаков несутся на улицу песни и пьяный говор,— слободская молодежь толчется тут же, у перевоза...

«Огонек». Интересно, как нынче проводят свой досуг горожане?

А. Ф. Семашко. Я расскажу вам об одном вечере из жизни Глазова. Можно взять любой. Ну, хотя бы 29 августа. Это была пятница. В парке культуры и отдыха шел устный журнал. Выступали лектор-международник, Герой Советского Союза А. Д. Торопов, председатель народного суда М. И. Буня. Коллектив эстрадных миниатюр под руководством заслуженного работника культуры Удмуртской АССР В. Зиновьева представил на суд зрителей свою новую программу. Дом культуры прислал самодеятельных вокалистов. На эстраде парка демонстрировался кинофильм, на танцплощадке веселилась молодежь. В тот же вечер были гостеприимно распахнуты двери двух городских кинотеатров, клубов, библиотек. Любители спорта собрались на стадионе. Туристы и рыболовы отправились за город.

В. Г. Короленко. Во всем городе была только одна сапожная вывеска, и ту повесили не свои, а приезжие из города Нолинска. «Нолинчанам» это прощалось, как чужим. Все остальные чеботные довольствовались тем, что наклеивали на оконные стекла башмак или сапог из сахарной бумаги. Никто не должен считать себя лучше другого и выдвигаться из ряду...

«Огонек». Печальная уравниловка... А как в наши дни относятся в Глазове к тем, кто, так сказать, выдвигается из ряда? К тем, кто приобрел известность в какой-либо области?

А. Ф. Семашко. Таких людей у нас немало. И, знаете, в Глазове очень приятно быть знаменитым. Улицы города носят имена Сулимова, Драгунова, Пряженникова, Наговицына, Орлова, Ивана Попова, Тани Барамзиной—наших славных земляков, прославивших Глазов доброй работой и ратным подвигом. Желанные гости на фабриках, заводах, в школах Герои Советского Союза А. Д. Торопов, А. Я. Шамшурин.

С каким-то особым уважением относятся в городе к врачу Михаилу Андреевичу Корчемкину. Когда этот пожилой, седовласый человек идет по улице, даже мальчишки шепчут ему вслед: «Смотри, доктор Корчемкин идет!» Отец Михаила Андреевича был современником Короленко. Мог ли думать крестьянин из удмуртской деревни Захаренки, что сын его станет лечить людей! Но Михаил еще в юности знал, чему посвятит свою жизнь,—борьбе с трахомой. Окончил медицинский факультет Казанского университета. И с 1923 года Михаил Андреевич работает в Глазове в трахоматозном диспансере. Ныне М. А. Корчемкин — заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Ленина и Трудового Красного Знамени...

И, конечно же, огромной известностью в нашем городе пользуется писатель, некогда безо всякой вины сосланный в Глазов. Его творчество знают все — от мала до велика. Его имя носят центральная библиотека, улица и, наконец, педагогический институт, где учреждена и Короленковская стипендия.

* * *

Девяносто лет назад свой очерк о «ненастоящем городе» В. Г. Короленко заключил гневными словами:

«Город амфибия, с недоразвившимися задатками, с тоской ожидающими завершения. И мне казалось, что над ним носится тоскливый стих украинского поэта:

Если счастья жалко, боже,
Дай хоть долю злую!

Да, хоть злую долю, но настоящую, не это прозябание...»

Настоящую, только не злую, а счастливую, добрую долю дала Глазову Октябрьская революция.

Алим **КЕШОКОВ**

ИЗ КНИГИ „ТАВРО"

ИДЕТ В БЕССМЕРТЬЕ СКОРЫЙ ПОЕЗД...

Вдоль окон снег лилов и порист,
Вдоль окон скалы и трава.
Идет в бессмертье скорый поезд,
Натянут путь, как тетива.

Летит вагонов вереница,
И жизнь в положенный черед
Всем едущим,
как проводница,
Чай подслащенный подает.

Один с утра прильнул к роману,
Другой весь день глядит в окно,
А третий бьет по чемодану
Костяшкой черной домино.

И кто-то грустный и отпетый
Бросает острое словцо.
И кто-то спит, прикрыв газетой
Невозмутимое лицо.

А рядом женщина смеется,
И льется красное вино.
Состав в бессмертие несется,
Но всем доехать мудрено.

И контролер из самых строгих
Еще появится в пути.
И безбилетников
он многих
Попросит с поезда сойти.

И установит, безупречный,
Вдали от суетности лет,
Кому до станции конечной
Был выдан правильно билет.

* * *

Всегда ценились умные слова,
Издревле в каждом царствии
при этом
Была дороже злата голова,
К которой обращались за советом.

Иное слово схоже со звездой,
И потому пред целым белым
светом
Могли в горах конем или враждой
Пожаловать прослывшего поэтом.

И, переживший многие года,
Седой обычай жив по всем
приметам...
Горячий конь, холодная ль
вражда —
Что ждет меня, прослывшего
поэтом?

РАССВЕТ

Рассвет,
сделав тени короче,
Идет по зеленой парче
Со свернутой буркою ночи
На правом багряном плече.

И кажется небо огнивом,
Рассыпавшим искры в лугах.
И облако с красным отливом
Повисло на турьих рогах.

И сумрак в пещеру убрался,
Темна она, словно гроза.
И только лишь горного барса
Порой в ней сверкают глаза.

* * *

Потока рев и шелест явора
Хребет вздымает на груди.
И вверх и вниз дорог до дьявола,
Любой к вершине восходи.

Тот поступает опрометчиво,
Кто, словно пересмешник
слог,
Начнет менять с утра до вечера
Крутые лезвия дорог.

Всю сладость риска пусть
изведает
Твой дух, безумием горя.
Когда ты зряч,
тебе не следует
В дорогу брать поводыря.

И, начиная восхождения,
В пути не медли, не спеши,
Страшась не всякого падения,
А лишь падения души.

* * *

Нет цветов верней, чем у дороги.
Почву с давних дней
Разрыхлять для них привыкли ноги
Верховых коней.

Пьет пчела, как будто бы
из кружки,
Развеселый сок.
Обезглавить долго ли телушке
Рядовой цветок.

И, живя законом непреложным,
Восходя к хребтам,
Что пришла весна,
по придорожным
Узнаю цветам.

Пусть их пыль осыпала, но все же,
Дики искони,
Всех оранжерейных мне дороже
Вольные, они.

* * *

Как сердечник, умирает лето,
Песня спета, пить запрещено,
В колеснице пурпурного цвета
В край иной отправится оно.

Осень умирает на просторе,
Словно разорившийся богач.
И сошьют ей белый саван вскоре
Ветры, в поле поднимая плач.

А весна, что разливает реки,
Вправе бросить вызов небесам,
Царствуя бессмертно в человеке
До тех пор, пока живет он сам.

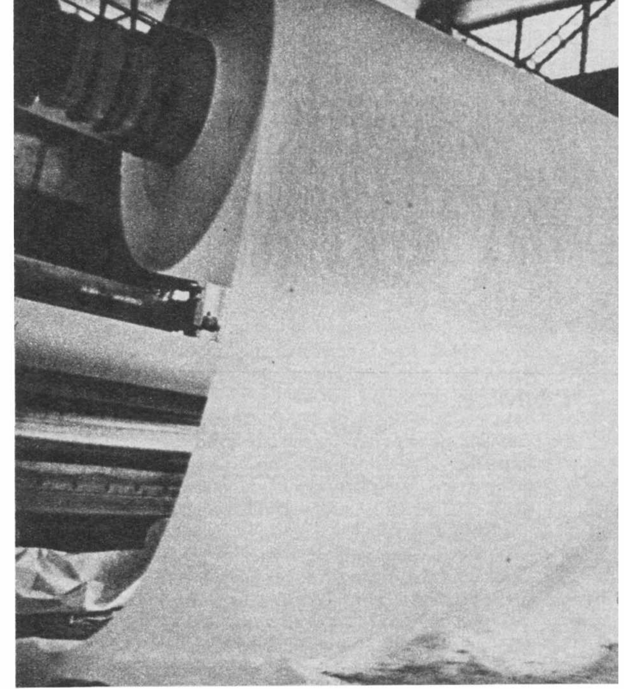
Перевел с кабардинского Яков Козловский.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

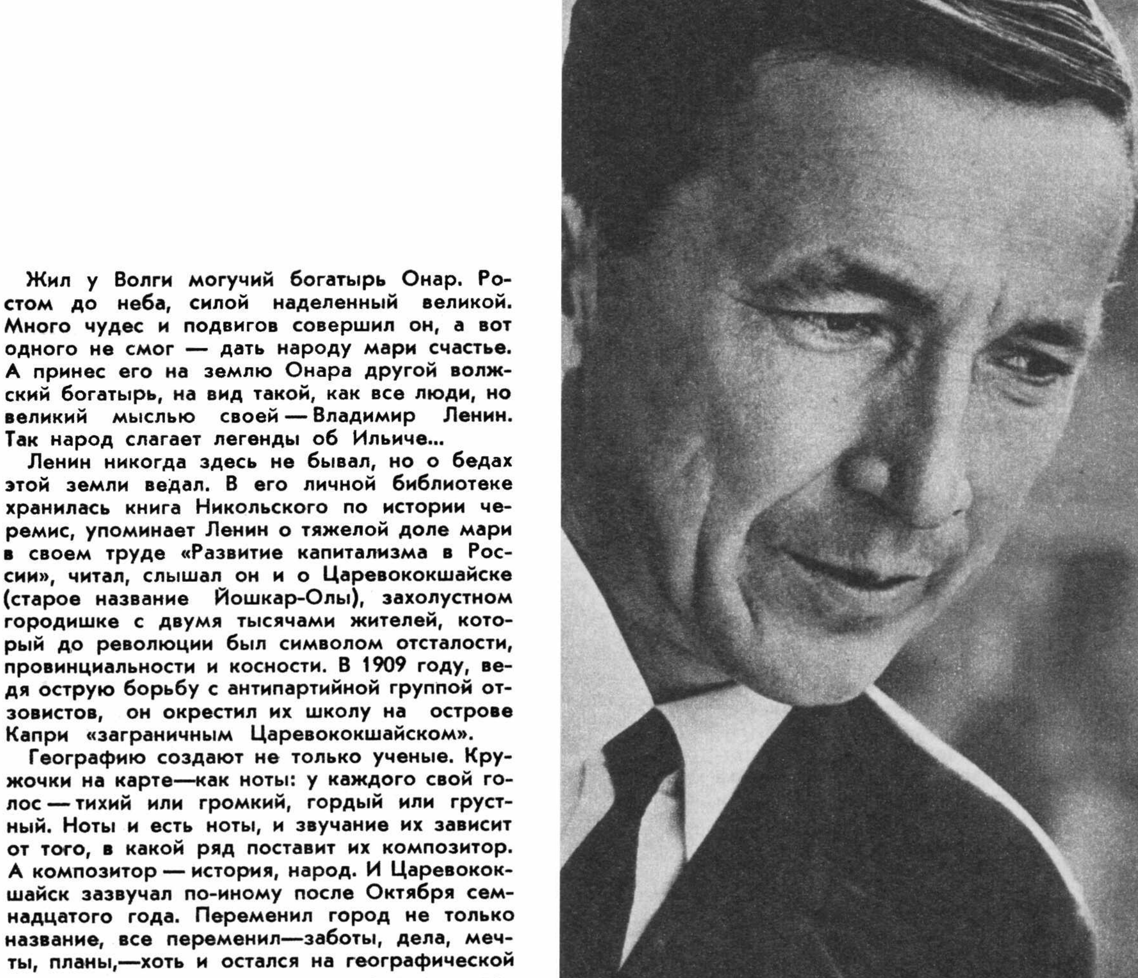
ТАКАЯ ТЕПЕРЬ ГЕОГРАФИЯ...

На Марийском целлюлозно-бумажном комбинате.

Биография В. И. Ленина, изданная на марийском языке пятьдесят один год назад.

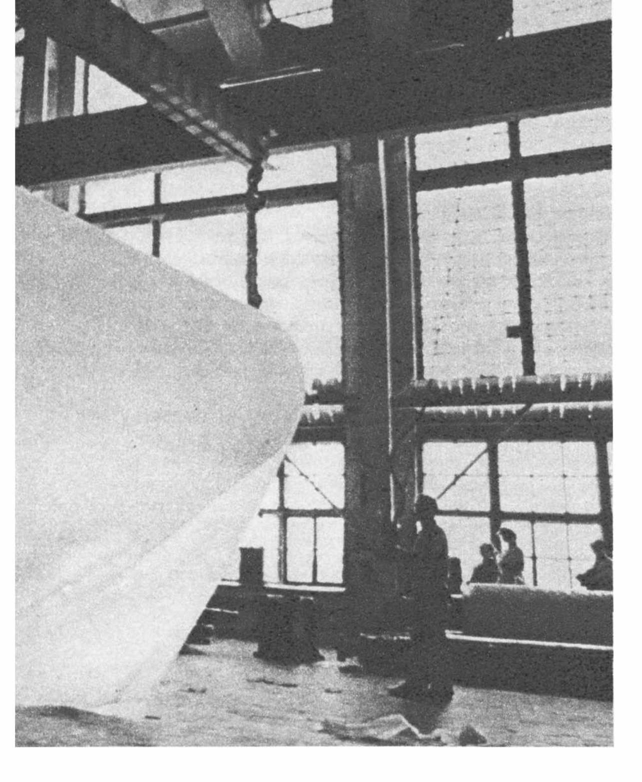
Петр Павлович Николаев — почетный гражданин Йошкар-Олы.

Жил у Волги могучий богатырь Онар. Ростом до неба, силой наделенный великой. Много чудес и подвигов совершил он, а вот одного не смог — дать народу мари счастье. А принес его на землю Онара другой волжский богатырь, на вид такой, как все люди, но великий мыслью своей — Владимир Ленин. Так народ слагает легенды об Ильиче...

Ленин никогда здесь не бывал, но о бедах этой земли ведал. В его личной библиотеке хранилась книга Никольского по истории черемис, упоминает Ленин о тяжелой доле мари в своем труде «Развитие капитализма в России», читал, слышал он и о Царевококшайске (старое название Йошкар-Олы), захолустном городишке с двумя тысячами жителей, который до революции был символом отсталости, провинциальности и косности. В 1909 году, ведя острую борьбу с антипартийной группой отзовистов, он окрестил их школу на острове Капри «заграничным Царевококшайском».

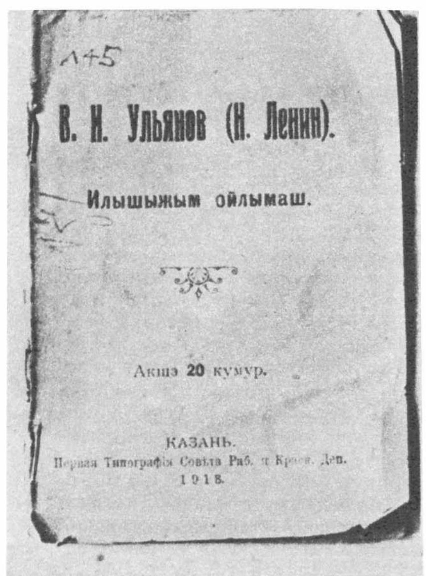
Географию создают не только ученые. Кружочки на карте—как ноты: у каждого свой голос — тихий или громкий, гордый или грустный. Ноты и есть ноты, и звучание их зависит от того, в какой ряд поставит их композитор. А композитор — история, народ. И Царевококшайск зазвучал по-иному после Октября семнадцатого года. Переменил город не только название, все переменил—заботы, дела, мечты, планы,—хоть и остался на географической карте на том же меридиане, в трехстах километрах севернее города Симбирска, который

сто лет назад тоже не очень-то был знаменит.

...В 1918 году в марийской столице и газеты не было, а вот книжка вышла — это была биография Владимира Ильича Ленина. Написал ее марийский революционер и поэт Сави (Владимир) Мухин. Единственный, по-видимому, сохранившийся экземпляр этой маленькой книжечки заботливо берегут ныне в республиканской библиотеке. Типографии своей марийцы не имели, и печатать книгу пришлось в Казани. В конце книги стихотворение «Ленину». Написал его Мухин еще в белогвардейском застенке, и есть в нем такие строки:

Так верь же, Ильич дорогой,
Верь ты нашим сердцам!
Мы с тобой. Мы всегда с тобой!
До конца!

145

В. И. Ульянов (Н. Ленин).

Илышыжым ойлымаш.

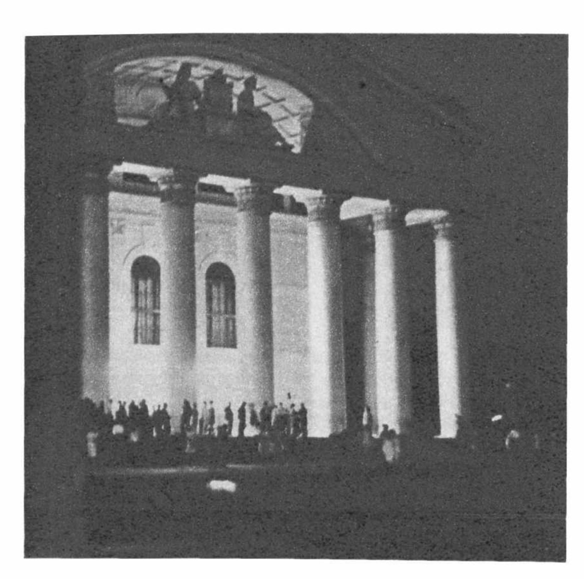
Акшэ 20 кумур.

КАЗАНЬ.
Первая Типографія Совѣта Раб. и Крест. Деп.
1918.

Очевидно, это—первое стихотворение о Ленине, написанное на марийском языке. Потом их было создано много, разными поэтами, среди которых и Иван Кырля — поэт и актер, известный всему миру по фильму «Путевка в жизнь», где он блестяще сыграл Мустафу.

Посланцы мари не раз бывали у Ленина. Вот как рассказывает об этом старый коммунист С. В. Локтев: «Я встретился с Лениным в ноябре 1918 года... От имени марийского народа мы вручили В. И. Ленину подарок — мед и масло. Владимир Ильич отдал этот подарок нуждающимся детям... Вождь интересовался нашей жизнью, укреплением Советской власти на территории уезда. Я сказал ему, что наш народ воспринял революцию как свое кровное дело и что в его руках находится теперь вся власть».

И еще одна страница истории и послесловие к ней... В 1909 году в Казани проводилась Международная выставка. Представлен там был и Царевококшайск: валенки, корзины, лапти, ульи — в общем-то и все экспонаты. Смешно даже и вспоминать. Впрочем, валенки здесь и теперь делают — благодать в любые морозы. Даже на экспорт делают. Лаптей в истинном смысле уже не встретишь. Купил я, правда, на базаре у одного дедушки за полтинник чудесные лапоточки кукольного размера — сувенирные. Из древних промыслов осталась «в деле», пожалуй, только народная вышивка. Да и та поставлена на промышленные рельсы — выпускает ее фабрика «Труженица». Традиционные узоры здесь прекрасно «приживляют» на современные модели одежды — платья, рубашки, костюмы. И идут марийские изделия нарасхват и в Москве, и в Фергане, и в Волгограде, и в других местах. Показывали свое искусство марийские мастерицы на многих международных выставках и везде с неизменным успехом. Уже готовы экспонаты и на «ЭКСПО-70» в Осаке. Много прилежания требует эта работа и, конечно, любви. А что вышивальщицы влюблены в свое дело, сразу видно — у них даже рабочие халатики отделаны замысловатыми узорами.

Театр зажигает огни...

Но как ни хороша продукция «Труженицы», это лишь маленькая частица сегодняшней промышленности республики: в одной только Йошкар-Оле сейчас пятьдесят современных промышленных предприятий. И среди них такие точные производства, как заводы электроавтоматики, радиодеталей, инструментальный, полупроводниковых приборов, торгового машиностроения...

На «Торгмаше» белизна—сверкают эмалью холодильные шкафы, витрины, прилавки. Недавно здесь освоили выпуск полного комплекта оборудования для магазинов с поэтическим названием «Таир», по имени живописного марийского озера. Им уже оснащены два магазина в Йошкар-Оле. Сейчас готовят два комплекта для Москвы. Впрочем, столица уже знакома с маркой завода: в банкетном зале Кремлевского Дворца съездов установлено сто семьдесят предметов, изготовленных руками марийских рабочих. И чтобы быть совсем точным, сообщаю: на этом заводе делается шестьдесят процентов холодильного торгового оборудования в стране.

Передачу ведет республиканское телевидение...

«Торгмаш» — молодое предприятие. Впрочем, здесь все молодое. Даже ветеран промышленности, первое крупное предприятие в республике Марийский целлюлозно-бумажный комбинат в городе Волжске... И не только в республике он крупнейший, но и в Европе — и

Йошкар-Ола. На площади Ленина.

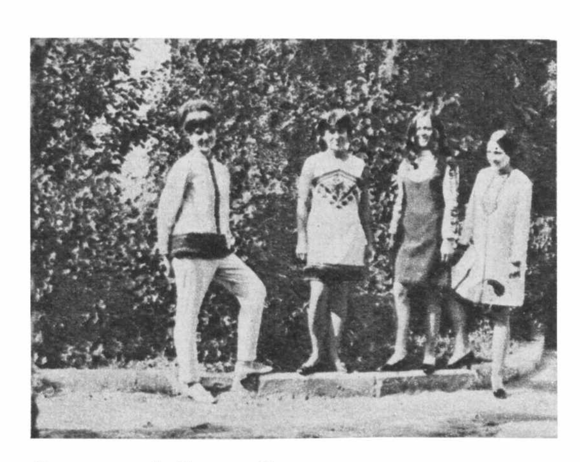
Орлята учатся летать.

Лида Ведерникова работает измерителем на заводе полупроводниковых приборов.

Заготовка силоса в совхозе «Семеновский».

Девчата с фабрики «Труженица» демонстрируют свою вышивку.

по объему и по ассортименту продукции. А производит техническую бумагу, картон и множество других полезных изделий. Без этой бумаги нельзя было бы изолировать кабели, упаковывать конфеты, фильтровать вина, хранить кинофотоматериалы, выпускать автомобили, делать шлифовальные шкурки, переплетать книги. Да мало ли что еще!

На территории комбината сидит, задумавшись, Онар. «Думает, как план перевыполнить»,— шутят рабочие. Довольно большая скульптура. Но смотрится богатырь малышом — фон уж слишком крупномасштабный. И машины здесь—что твои корабли, огромные, серебристые, с лесенками-трапами. И шумят похоже. Только летают над ними не чайки, а голуби, простор им тут.

Куда путь держите, корабли? Никуда они не плывут. Лишь белые волны бумажных рулонов разбегаются по разным городам. А мысли людей — капитанов, штурманов, матросов этих индустриальных лайнеров — уносятся еще дальше: на север, на юг, в прошлое и будущее.

Вот один из капитанов, Женя Коротков, по-сухопутному — просто бригадир, зато не простой бригады, а лучшей среди экипажей бумагоделательных машин Советского Союза. Молчаливый такой парень. Родом местный, марийский. А сколько лет не дает ему покоя перепаханная снарядами и танковыми гусеницами курская земля! Лежит в той земле отец Жени.

В сорок втором, когда на комбинате была большая нехватка в людях, пришел в цех из ремесленного парнишка в дырявом ватнике Саша Лаврентьев. Учился и работал, а смены были по двенадцать часов. Да, видно, неплохо и работал и учился, потому что через несколько лет послали его в молодую социалистическую страну Болгарию помогать друзьям пускать бумагоделательную машину на заводе в городе Кричим, близ Пловдива. Там уж сам людей обучал. Потом с той же миссией ездил в Китай. Две машины пустили.

Был в старину у каждого марийского кустаря личный знак, который он ставил на свои поделки. Назывался он тамга. Ныне изделия марийских мастеров широко по свету разошлись, покупают их более семидесяти стран Европы, Азии, Африки и Америки. Такая теперь пошла география...

Широк размах Волги, что течет издалека-долга по краю земли Мари. Да и тут ныне тесновато и оживленно, как на шоссе,— пароходы, караваны барж, плоты, катера. А про шоссе и говорить нечего. Едем мы с бывалым шофером Николаем Васильевичем Померанцевым, и он не то радуется, не то сокрушается:

— Ну и машин развелось — пропасть. Помню, к десятилетию автономии мы первый автобус ладили — переделывали из единственного в Йошкар-Оле грузовика, пристраивали на нем этакий ящик из фанеры. Брат мой был его первым шофером, а я подсменным. Теперь же за год по республике, знаете, сколько народу автотранспортом перевозят? Около семидесяти миллионов...

Крутой поворот, и мы въезжаем во владения колхоза имени Ульянова. Возле правления на флагштоке рдеет красное полотнище. Рядом плакат, который сообщает, что флаг трудовой славы поднят в честь доярки Майоровой, свинарки Мощенко, откормщика Афанасьева, механизатора Макарова, шофера Иванова, комбайнера Охотникова.

Знаменит колхоз тем, что здесь в прошлом году вступил в строй первый в республике животноводческий комплекс. Построен он дружными усилиями колхозников, студентов и рабочих марийских заводов всего за семь месяцев. Сейчас по республике таких строится еще пятнадцать. Показывает нам его зоотехник Вера Васильевна Охотникова.

— Комплекс наш — это что-то вроде завода с полной механизацией. Только продукция у нас живая. Три тысячи свиней. А управляются с ними всего восемь свинарок и четыре откормщика. Пока еще не все гладко, конечно. Как на любом предприятии, идет «притирка» оборудования и коллектива. Людям ведь тоже перестроиться надо — к технике привыкнуть, к культуре производства. Одним словом, сельское хозяйство на индустриальной основе. И колхозникам это нравится, тем более что и заработки резко возросли. Значит, и быт тоже измениться должен. Так что «комплекс» — это понятие очень широкое...

Говорю Вере Васильевне, что у нее талант экскурсовода.

— Не талант, а практика,— уточняет она,— за полгода нас посетило полсотни делегаций из разных концов страны. Приглядываются, знакомятся с нашим начинанием, чтобы и у себя применить. Видать, далеко разнеслась весть о колхозе Ульянова.

Марийские колхозы... Нелегко когда-то проходило их становление. И, возвращаясь к тем годам, хочется вспомнить добрым словом народного поэта Сергея Чавайна, имя которого носит один из них. Возник колхоз при деятельном участии поэта в его родном селе, которое значится теперь на карте республики как Чавайнур. Так что марийские писатели не только воспевали свой край, но всегда были преданными ему гражданами. И это роднит их с поэтами русскими, чьи произведения звучат сегодня на марийском языке. Маяковский в стихотворении «Казань» пишет:

Входит второй.
Косой в скуле.
И говорит,
в карманах порыскав:
«Я — мариец.
Твой
левый
дай
тебе
прочту по-марийски».

Переводчиком «Левого марша» был рабфаковец Крылов, ныне известный поэт Александр Ток.

Мне очень захотелось повидать Тока, но он хворал и находился в больнице. Там мы и встретились.

— Ну, здравствуй, «Огонек»! — пробасил Александр Иванович, разглядев меня через толстые стекла очков.— За Маяковским, значит, пришел...— И пошутил: — Из-за него и болею. А если серьезно, то последние месяцы очень напряженно работал над переводом поэмы «Владимир Ильич Ленин», по три часа в сутки спал. Сейчас рукопись уже в производстве в нашем книжном издательстве. Выйдет книга к столетию со дня рождения Ленина. Это второй перевод. Первый я сделал в тридцатые годы, но рукопись была утеряна. Горько, конечно, но думаю, что, может, оно и к лучшему, сейчас у меня больше опыта, Маяковского переводил всю жизнь — и поэмы и стихотворения. Читал их по радио, печатал в сборниках и газетах. Мне кажется, что теперь марийский читатель получит поэму о Ленине в полновесном звучании.

Уже после встречи с Александром Током я узнал, что Марийское книжное издательство готовится также выпустить к юбилею сборник писем трудящихся Мари к Ленину и воспоминания людей края, видевших Ильича. Здесь уже переведены и изданы десятки ленинских трудов.

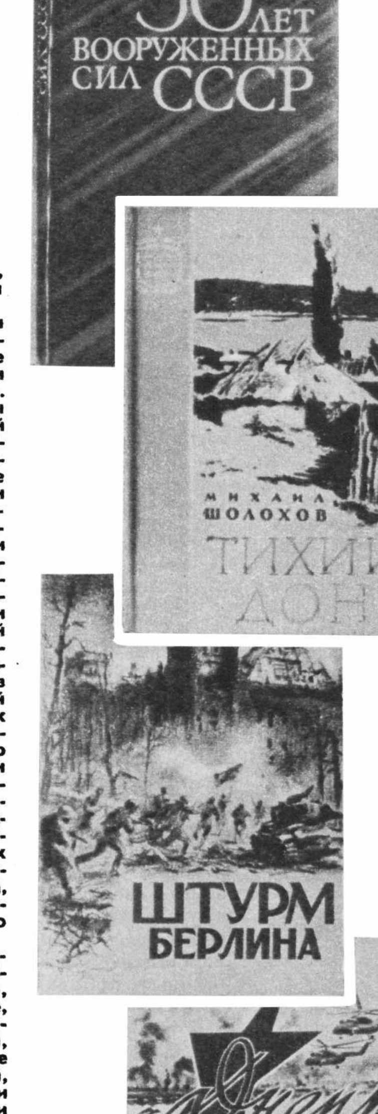
...Ранним воскресным утром на центральной площади Йошкар-Олы, куда выходят окна гостиницы, замечаю приготовления к какому-то торжеству. Появились телевизионные камеры, устанавливаются репродукторы «громкого звучания». По главной магистрали города — проспекту Ленина — под звуки оркестра приближается к площади оживленная процессия.

Оказалось, что здесь впервые проводится праздник одной улицы, этого самого проспекта. Как и водится, на праздник приглашены гости — жители соседних улиц.

На трибуне марийский рабочий, машинист башенного крана Петр Павлович Николаев, сорокадвухлетний строитель и студент, депутат Верховного Совета СССР. На левом лацкане его пиджака Золотая звезда Героя Социалистического Труда и орден Ленина, на правом— знак почетного гражданина города, на котором выбито: «№ 1». Стоят рядом с ним и другие почетные граждане, седовласые ветераны, но ему, молодому еще человеку, эта честь воздана первому, ибо велика его заслуга в том, что город стал таким, каков он ныне. Я видел Йошкар-Олу сверху, когда летал на прыжки с парашютистами республиканского авиаспорт-клуба. Просторно спланированный город радует своей строгой геометрией. Раскинулись вокруг него лесные просторы и четкие квадраты полей с уже убранным урожаем. И отсюда, с высоты, еще ясней виделось, как преобразилась земля Онара, народ которой в будущем году отметит пятидесятилетие своей государственности.

КАК ВЕРНЫЙ СОЛДАТ

К 50-ЛЕТИЮ ВОЕНИЗДАТА

В моих руках верстка необычной книги. Над ее подготовкой работает сейчас большой коллектив ордена Трудового Красного Знамени Военного издательства Министерства обороны СССР. Выйдет она в канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Вместе с тем это в определенной степени итоговая книга и для самого издательства, отмечающего 25 октября свой полувековой юбилей.

Мы говорим о сборнике «Вождю, полководцу, другу». В нем собрано более 400 интереснейших исторических документов и фотографий, относящихся к деятельности В. И. Ленина в период ожесточенной борьбы нашего народа за победу и упрочение Советской власти (1917—1924 гг.). В сборник включены многочисленные письма бойцов и командиров с фронтов гражданской войны, рапорты, телеграммы и приветствия трудящихся, резолюции собраний и митингов, направленные в адрес Владимира Ильича в разные годы его жизни. Многие из этих документов найдены в архивах страны совсем недавно и в печати появятся впервые. В них, в этих живых человеческих свидетельствах, и сейчас, спустя много лет, чувствуется горячая людская любовь к своему вождю, преданность и верность его великим идеям. В них — пафос героики и пламенное дыхание той огненной поры. Эти невидимые нити соединяли Ленина с народом, он точно знал настроение масс, мог безошибочно судить о морально-политическом состоянии молодой Красной Армии, влиять на ход боевых действий ее частей и подразделений.

...Шел боевой девятнадцатый год. На одном из участков Южного фронта, под Одессой, красноармейцы захватили у интервентов несколько исправных танков. Один из них они решили вместе со своим письмом отправить в подарок Владимиру Ильичу. И какова же была их радость, когда через некоторое время они читали ответную телеграмму вождя! Танк участвовал в первомайских торжествах 1919 года: это был первый танковый марш по Красной площади столицы...

Ленинская тема — выпуск книг о В. И. Ленине, его выдающейся полководческой деятельности в годы гражданской войны, его богатейшем военно-теоретическом наследии — всегда была и остается сейчас ведущей темой в деятельности издательства. Об этом свидетельствуют такие капитальные труды, как двухтомник произведений В. И. Ленина «О войне, армии и военной науке», его сборники «Военная переписка» и «О защите социалистического Отечества», монография коллектива авторов «Марксизм-ленинизм о войне и армии», сборник «Военная деятельность В. И. Ленина» и другие. Большой интерес вызвал коллективный труд ученых «В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы», удостоенный премии имени М. В. Фрунзе.

Книги... Брошюры.. Плакаты... Сейчас они собраны вместе на юбилейной выставке. Одной из первых книг, выпущенных нашим издательством, был «Букварь красноармейца». Он стал настольной, а точнее, походной книгой бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В окопах между боями красноармейцы учились грамоте, постигали сложную арифметику боя.

В 1921 году в Литиздат ПУРа пришел работать Дмитрий Фурманов, человек, точно знавший, в какой литературе нуждается армия. С его приходом резко активизировалась книгоиздательская деятельность. Наряду с изданием уставов и наставлений для Красной Армии вместе с военно-технической литературой стали выпускаться также военно-художественные произведения советских писателей. В эти годы и позже читатели знакомятся с героями книг Демьяна Бедного, Серафимовича, Сергеева-Ценского, Новикова-Прибоя, Фурманова, Фадеева, Шолохова, Толстого, Тихонова, Соболева, Первенцева и других замечательных советских писателей. По книгам этим можно теперь легко восстановить весь большой, сложный и героический путь наших славных Вооруженных Сил. Эти и другие книги Воениздата явились тем вторым боевым оружием, к которому приобщались старые и молодые воины.

Хорошо потрудился Воениздат в годы Великой Отечественной войны. Его печатная продукция превысила 3 миллиарда экземпляров. На фронт наравне с боеприпасами и военной техникой направлялось огромное количество военно-технической, политической и художественной литературы. Массовыми тиражами издавались малообъемные книжки и брошюры, в которых разъяснялись справедливые освободительные цели войны нашего народа против немецко-фашистских поработителей, пропагандировались героические традиции наших Вооруженных Сил, показывались истоки отваги и мужества советских людей. В специальной серии книжек обобщался и распространялся среди войск боевой опыт ведения войны.

В годы войны с издательством сотрудничали А. Толстой, М. Шолохов, Б. Горбатов, П. Бровка, М. Рыльский, Самед Вургун, П. Павленко, В. Кожевников, А. Сурков и многие другие прозаики и поэты.

Новые, более сложные задачи встали перед издательством после войны. Героический труд нашего народа, гигантское развитие науки и техники совершили подлинную революцию в военном деле. Советские Вооруженные Силы оснащены теперь самой передовой и совершенной техникой, мощным термоядерным оружием и лучшими в мире военными кадрами. Все это, естественно, не могло не отразиться на масштабах и содержании работы издательства. Неизмеримо возросло не только количество, но и качество книжной продукции, расширилась и усложнилась тематика, характер и направленность издательской деятельности. Повысились требования к идейно-теоретическому, военному, научному и художественному уровню выпускаемой литературы. Издательство выпускает продукцию самых различных видов и жанров литературы — от воинских уставов до репертуарных сборников, от массовой популярной брошюры до капитальных научных монографий, повестей и романов, от простой почтовой открытки до сложных, многокрасочных альбомов и плакатов. Создана обширная художественная литература не только о подвигах советского человека в годину тяжких военных испытаний, но и о современной жизни Советских Вооруженных Сил, о боевой, полной опасностей и невзгод службе воинов армии и флота, зорко стоящих на страже мира и государственных интересов Советского Союза.

Разнообразен, если так можно выразиться, многолик и авторский состав издательства: рядовые солдаты, офицеры, генералы, адмиралы и маршалы, ученые, государственные и политические деятели, писатели, композиторы и поэты, а также молодые, начинающие армейские и флотские литераторы. Многие авторы, плодотворно работающие ныне в области военно-патриотической литературы, свои первые книги выпускали в нашем издательстве.

Показать в нашей литературе высокий, напряженный ритм Советских Вооруженных Сил, их великую и благородную миссию — задача первостепенной важности. Над ее выполнением вдохновенно работает сейчас коллектив издательства.

Полковник С. БОРЗУНОВ,
главный редактор художественной литературы Воениздата, заслуженный работник культуры РСФСР

ОБ ОДНОМ ИЗ МОИХ СВЕРСТНИКОВ

Оно пришло в литературу прямо с полей великой битвы, поколение писателей, которое «разменивает» сейчас шестой десяток своего земного бытия, достигнув полувекового рубежа. Явившись на свет в самый разгар гражданской войны, поколение это встретило свое совершеннолетие в огне Великой Отечественной. Удивительная судьба! Не она ли положила раз и навсегда печать сурового мужества и неколебимой выдержки и стойкости на весь облик моих сверстников, выковав характер, отличающийся высокою мерой душевной твердости!

В маленькой биографической справке Михаил Годенко пишет:

«Свое первое стихотворение опубликовал в 1936 году». Если б на том и кончалось краткое сообщение, то естественно было бы предположить, что стихотворение это скорее всего о любви, чувстве, впервые опалившем юное сердце. Но далее следует еще фраза: «Оно посвящено испанским республиканцам»,— первые поэтические строки, и они же камертон, определивший интонацию всего творчества будущего литератора, стихотворца и прозаика, интонацию героическую и одновременно пронзительно нежную, лирическую.

В помянутой выше справке так же спокойно и буднично, как бы между прочим, говорится: «Однако писать и печататься регулярно начал в 1942 году во время службы на Балтийском флоте».

«Службы»! Но какая это была служба! Главстаршина Михаил Годенко на минном тральщике участвовал в легендарном, героическом и трагическом переходе советских боевых кораблей из Таллина в Кронштадт летом сорок первого и лишь чудом остался в живых. Пройдут годы, и бывший минер расскажет об этом походе в своем первом романе, названном просто, сурово и многозначительно в то же время,— «Минное поле».

Но это случится, повторяю, позднее. Сперва стихи. Он пишет их много, запас пережитого и добытого дорогою ценой жизненного опыта так велик, что душевная кладовая оказывается тесной, чтобы хранить его, и рождаются одно за другим короткие и длинные стихи, перемежаясь поэмами. Поэтические сборники начиная с 1956 года выходят почти ежегодно. В 1956 году это поэма «Последний», книга стихов и поэм «Море мое», в 1957 году — «Ласточка», в 1959 году — поэма «Людское счастье». Цветет акация», в 1961 году — стихи и поэмы «Лучшее имя» и «Тяга к океану».

Затем небольшая пауза — не в работе, просто несколько лет мы не слышали голоса Михаила Годенко и как-то мало встречались с ним. Оказалось, что он как бы приготавливал нас к встрече с новым прозаиком. Это произошло лишь в 1964 году. «Минное поле» тотчас же привлекло внимание и читателей и критики и закрепило за его автором одинаковое право числиться сразу по двум творческим, что ли, ведомствам — поэзии и прозы. А спустя еще четыре года — новый роман, «Зазимок», от названия которого уже веет осенней свежестью, и слышится в нем хруст прихваченных первыми заморозками зеленей, говоря словами другого хорошего поэта — «Сколько грусти и прелести в этом хрусте и шелесте!».

«Зазимок» — это раздумье человека в пору зрелости, и это пока, пожалуй, лучшая вещь Михаила Годенко.

Пока, говорю я, ибо знаю, как много еще может создать этот писатель, коему к тому же так мало еще лет.

Всего лишь пятьдесят.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Н. МИХАЙЛОВ,
председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР

Сокровищница

Теперь часто говорят у нас и за рубежом, что Советский Союз — крупнейший издатель мира. Это правильно, и это можно подтвердить не только тем, какое количество книг и какими тиражами печатается у нас на Родине, но и тем, каковы эти книги, какие начинания осуществляют советские книгоиздатели.

Давно утвердилось представление о том, что книга — величайшее чудо из всех чудес. Изыскания ученых дают основание считать, что первая форма книги появилась, вероятно, в начале первого тысячелетия до нашей эры. Письменность победила время, а книга в своем развитии победила и время и пространство — в ней память, история и мудрость народов, гений выдающихся представителей человечества; она отражает развитие революционной науки, сметающей с дороги старый мир; несет свет великих идей, озаряющих человечеству путь в будущее.

Выдающиеся книги — бесценные сокровища человечества. Возможно, что даже самая совершенная статистика не ответит на вопрос о том, сколько поколений читает лучшие книги, какое множество людей воспитывается на них. Хорошая книга не подвластна времени — она не знает старости, для нее нет языковых барьеров и государственных границ.

Такое предисловие нужно для объяснения некоторых моментов, связанных с изданием «Библиотеки Всемирной литературы». Идея создания такой серии имеет свою удивительно яркую историю. Известно, что «Библиотека» была задумана в первый год Советской власти, в 1918 году. Владимир Ильич Ленин поддержал инициативу А. М. Горького создать специальное издательство «Всемирная литература». Большая группа ученых и литературоведов трудилась над составлением проспекта «Библиотеки». Теперь эта книга малого формата в светло-коричневом переплете, выпущенная в издательстве Гржебина, стала библиографической редкостью.

В одном из своих писем Владимиру Ильичу Ленину Горький писал:

«На днях закончим печатание перечня книг, предположенных к изданию «Всемирной литературой». Я думаю, что не худо будет перевести эти списки на все европейские языки и разослать их в Германию, Англию, Францию, скандинавские страны и т. д., дабы пролетарии Запада, а также Уэллсы и разные Шейдеманы видели воочию, что российский пролетариат не токмо не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди...».

Г. Уэллс позже, после путешествия в Советскую Россию, также напишет о книгах. Вот что поразило его воображение:

«В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу».

Богатую идею выпуска «Библиотеки Всемирной литературы» в первые годы Советской власти полностью осуществить не удалось. Тому было несколько причин: не хватало квалифицированных переводчиков, не было и должной материальной базы: полиграфия, как и вся промышленность того времени, переживала разруху. Бумаги было в обрез, и газеты порой печатали на оберточных сортах.

Мысль о возрождении выпуска «Всемирной библиотеки» не оставляла советских книгоиздателей. В канун полувекового юбилея Великого Октября был начат выпуск новой серии.

Масштабы и уровень издательского дела в нашей стране теперь таковы, что позволяют осуществлять большие дела. Из описания, которое здесь приведено, можно представить себе, что только страна, располагающая передовой наукой, прекрасно подготовленными кадрами и соответствующей материальной базой, в состоянии осилить издание, подобное «Библиотеке Всемирной литературы».

Проспект издания разрабатывался Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и издательством «Художественная литература». Естественно, что при составлении его учитывался и тот опыт, который был накоплен при попытках осуществить такое издание в 1918—1925 годах. Можно считать, что создание проспекта «Библиотеки» равноценно серьезному научному труду.

Чрезвычайно сложно было отобрать в «Библиотеку» двести томов из всего того богатства, которое накоплено человечеством. К счастью, после того, когда нами был разослан в качестве проекта план издания «Библиотеки», были получены только лишь отдельные частные замечания.

Какой же будет «Библиотека» в целом?

В нее входят, как уже было сказано, 200 томов. Цель издания — познакомить читателей с лучшими образцами художественной литературы всего мира от древних времен до наших дней.

В «Библиотеке» будет представлено более трехсот крупных произведений и около 30 антологических томов, объединяющих многие произведения мировой прозы и поэзии, скажем, героический эпос народов СССР, поэзию Восточной и Юго-Восточной Азии, европейскую новеллу XVII века, произведения африканских писателей, поэзию Латинской Америки и т. д. «Библиотека» познакомит читателей с крупными произведениями почти 200 авторов. В это число не входит огромное количество писателей, произведения которых будут представлены в сборниках и антологиях.

Для того, чтобы соблюсти научный подход и создать читателю наиболее благоприятные условия для усвоения духовного наследия народов мира, которое накапливалось столетиями, все издание делится на три серии.

Первая серия, в которую входят 64 тома, охватывает литературу Древнего Востока, античного мира, средних веков, Возрождения, XVII и XVIII веков.

Вторая серия, в которую входят 63 тома, посвящается целиком литературе XIX века.

Третья серия, в которую войдут 73 тома, посвящается литературе XX века.

Каждая книга «Библиотеки» выпускается тиражом 300 тысяч экземпляров. Общее количество томов, таким образом, составит всего 60 миллионов экземпляров. Заметим при этом, что из-за лимитов на бумагу и большой загрузки полиграфической промышленности мы не имели возможности выпустить «Библиотеку» еще большим тиражом — спрос на нее превзошел все ожидания.

Большой интерес представляет изучение структуры всей «Библиотеки» с точки зрения того, как представлена в ней та или иная литература.

Русской классической и советской литературе отведено 45 томов.

Литература народов СССР займет 20 томов.

Литература социалистических стран Европы представлена 28 томами.

Литература Латинской Америки — двумя томами. При этом надо учесть, что антология поэзии Латинской Америки даст широкую картину поэзии всего этого континента. Точно таким же образом широкую картину литератур стран Африки даст антология, посвященная этому континенту.

Особо надо подчеркнуть, что массовый читатель через «Библиотеку» получит возможность познакомиться с литературами многих развивающихся стран, о которых он до сих пор имел или недостаточное представление, или порой даже вовсе не был ознакомлен.

Подписчики «Библиотеки» получат возможность познакомиться и со многими ранее не переводившимися на русский язык в таком объеме произведениями. Это индийские эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна», «Энеида» Вергилия, «Новеллы» японского писателя Акутагавы, произведения средневековых арабских поэтов, лирика трубадуров, вагантов и миннезингеров, прозаические произведения классиков Востока и др.

Таким образом — и это особенно важно подчеркнуть,— «Библиотека» представит в издаваемых томах литературу земного шара. Если на мгновение даже исключить все другие моменты, связанные с изданием «Библиотеки», то один тот факт, что советское издание впервые в истории издательского дела представляет в «Библиотеке» в таких масштабах литературу земного шара, заслуживает быть отмеченным.

Многое можно было бы сказать о произведениях, входящих в состав «Библиотеки», потому что буквально каждое из них составляет эпоху в литературном творчестве, отражает в себе переломные моменты истории, духовной жизни народов. В этой связи нельзя не упомянуть о пятнадцатом томе «Библиотеки», названном «Изборник» — так в Древней Руси называли сборники избранных произведений письменности.

Тексты всех произведений, вошедших в сборник, проверялись и готовились по рукописным источникам группой сотрудников Ленинградского института русской литературы. Душой дела был член-корреспондент АН СССР Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Особая ценность этой книги в том, что некоторые тексты печатаются в ней впервые за многие годы. Так, например, древнерусские сборники афоризмов и «Александрия» не переиздавались с 1893 года, «История о великом князе Московском» была напечатана в сочинениях Курбского в 1833 году. Позже научное издание этого труда было лишь в 1914 году в сборнике «Русская историческая библиотека». «Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году» издавалась в полном собрании русских летописей 1841 года и была вновь издана лишь однажды в 1879 году и т. д.

«Изборник» сопровождается библиографией, подробными примечаниями, помогающими пытливому читателю проникнуть в мир древнерусской литературы. Читатель, проявляющий особую заинтересованность, с помощью приведенной в примечании библиографии сможет обратиться и к научным изданиям памятников. Здесь названы лишь издания, имевшие научное значение и вошедшие в научный обиход; различные лубочные издания, издания церковников, издания, выпущенные дилетантами, или издания, выпущенные на низком научном уровне и отвергнутые знатоками древнерусской литературы, в этой библиографии не указываются.

Элементарная обязанность издателя состоит в том, чтобы дать читателю хорошо изданную книгу. Не каждого читателя интересует, сколько труда требуется для того, чтобы книга вышла в свет. Однако, когда речь идет о «Библиотеке Всемирной литературы», стоит сказать, каким сложным и кропотливым является труд людей, осуществляющих эту серию.

При подготовке томов проводится глубокая текстологическая работа; для того, чтобы переводы были наиболее совершенными, подготовленные тексты сличают с последними научными изданиями на языке оригинала. Например, «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера сверялась с брюссельским изданием этой книги 1959 года. Том поэзии А. Мицкевича сверялся по последнему полному юбилейному собранию сочинений великого поэта.

В необходимых случаях издательство заказывает новые переводы. Так поступили с переводом «Задонщины» с древнерусского языка. Публикуется новый перевод «Декамерона» Д. Боккаччо (Н. Любимова), впервые на русском языке выйдет перевод пьесы Б. Шоу «Шэкс против Шэва» (З. Гражданской) и т. д.

В новых переводах идут многие стихотворения И. Бехера, Б. Брехта, Э. Верхарна, пьесы Корнеля, Расина и Лопе де Вега, «Левкиппа и Клитофонт» Татия, «Потерянный рай» Мильтона и т. д. К написанию вступительных статей издательство и редсовет стремятся привлекать известных писателей, наиболее авторитетных литературоведов. Приглашаются и зарубежные ученые: академик П. Динеков (Болгария) подготовил предисловие к тому произведений И. Вазова, профессор А. Кеттл (Англия) — к тому Ч. Диккенса, профессор А. Адан (Франция) — к тому «Театр французского классицизма». Над вступительными статьями работают и профессор П. Панди (Венгрия)—к произведениям Ш. Петефи, профессор Кауфман (ГДР) — к произведениям Г. Гейне.

Многие вступительные статьи к томам «Библиотеки» настолько значительны, написаны с таким знанием материала и таким проникновением в суть произведения, что представляют собою богатый материал, свидетельствующий об успехах советского литературоведения. Ярко сумел показать Д. С. Лихачев все величие русской литературы первых семисот лет ее развития, всю прелесть ее и глубину. Исследования древнерусской литературы прекрасно связываются автором с показом роли и места архитектуры, скульптуры, прикладного искусства тех времен, убедительно раскрывается, таким образом, гигантский фундамент, на котором появляется и растет наша отечественная культура, и то, как глубок и могуч ее корень.

Заслуживает быть отмеченным предисловие С. Маркиша к тому Гомера «Илиада. Одиссея». Молодой читатель не останется равнодушным к рассуждениям автора о воспитании в человеке таких прекрасных черт, как мужество, благородство, мудрость, способность стойко переносить трудности и невзгоды жизни и всегда быть верным своей Родине.

Следует заметить, что редакционный совет «Библиотеки» проявляет большую взыскательность. Нам пришлось быть на одном из заседаний, где в духе доброжелательности, по-товарищески критиковались некоторые вступительные статьи. Авторов справедливо упрекали в том, что они не сумели найти новый яркий подход к исследованию творчества некоторых писателей, не сумели показать в полную меру, по-новому глубоко эпический характер произведений советской литературы, посвященной борьбе за Советскую власть.

Издательство «Художественная литература», возглавляемое В. А. Косолаповым, главный художник Т. Г. Вебер, академик М. Б. Храпченко, возглавляющий редакционный совет, стремились отыскать оригинальный подход к оформлению «Библиотеки». В ходе подготовки томов было решено, что для их оформления надо брать самые лучшие классические работы отечественных и зарубежных мастеров. В необходимых случаях иллюстрации заказываются лучшим представителям современной графики. Было условлено также, что к такому солидному изданию, каким является «Библиотека», надо шире привлекать лучших мастеров современного зарубежного изобразительного искусства. Таким образом, читатель может увидеть, что, например, «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека оформлены одним из лучших чешских художников, Й. Ладой. Работы всемирно известного, одного из старейших графиков, Ф. Мазерееля, опубликованы в томе Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Художник Рокуэлл Кент дал рисунки к тому Мелвилла «Моби Дик». Представляет интерес и то, что, например, в одном из томов читатель увидит рисунки знаменитого Г. Доре. Том В. Теккерея выпущен с рисунками писателя.

Широко представлены в «Библиотеке» советские художники. Мы видим работы О. Верейского к «Тихому Дону» М. Шолохова, Б. Ливанова — к «Чапаеву» Фурманова, Б. Свешникова — к произведениям Гофмана, А. Васина — к тому Б. Шоу, Д. Шмаринова — к «Войне и миру» Л. Толстого и к «Преступлению и наказанию» Ф. Достоевского.

Издательство позаботилось и о том, чтобы к работам по оформлению «Библиотеки» были привлечены художники всех братских советских социалистических республик.

«Библиотека» печатается коллективом Первой образцовой типографии имени А. А. Жданова. Некоторые тома печатаются в типографии «Красный пролетарий». На качество издания оказал большое влияние конкурс на лучшее оформление книг, который был проведен в свое время. Специалисты издательского дела и полиграфии вместе с работниками бумажной, текстильной промышленности отдали много труда поискам наиболее приемлемого и удобного формата книг, в том числе шрифтов, сортов бумаги, обложечных материалов. Впервые для изготовления переплетов многотиражного издания было применено штапельное полотно.

К настоящему времени выпущено уже 35 томов «Библиотеки». До конца года предполагается напечатать следующие тома: Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Испанский театр», Гете «Фауст», А. Герцен «Былое и думы», т. 2, Г. Клейст «Драмы. Новеллы», Т. Драйзер «Американская трагедия», В. Маяковский «Стихотворения. Поэмы. Театр».

В будущем году намечено опубликовать: из первой серии — «Античную драму», «Декамерон» Д. Боккаччо, том, в который войдет «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, «Избранные диалоги» и «Письма темных людей», «Корабль дураков» С. Бранта, «Дон Кихот» М. Сервантеса, тт. 1 и 2, «Театр французского классицизма»; из второй серии — «Под игом» И. Вазова, «Тэсс из рода д'Эрбервилей» и «Джуд Незаметный» Т. Гарди, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Жизнь», «Милый друг», «Рассказы» Г. Мопассана, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского; из третьей серии — «Прощание. Стихотворения» И. Бехера; «Повести. Рассказы» Лу Синя, два тома «Жана Кристофа» Р. Роллана, «Новеллы» А. Упита, «Преступление Сильвестра Боннара», «Остров пингвинов», «Боги жаждут» А. Франса.

К великому сожалению, из-за промышленных и других трудностей выход некоторых томов запоздал. Надо стремиться быстрее наверстать упущенное, однако это можно сделать лишь при более ощутимой поддержке работников бумажной промышленности, текстильщиков, коллективов полиграфических предприятий.

Что же говорят по поводу «Библиотеки Всемирной литературы» ее читатели?

Начну с писем критических. Издательство упрекают в том, что оно не выполняет обязательства выпускать 20 томов ежегодно.

Некоторые читатели высказывают критические замечания по различным томам. Так, т. Сиденко из села Неверкино, Пензенской области, критиковал иллюстрации художника Рудакова к тому А. Блока. Читатель т. Кукин из Львова выразил недовольство иллюстрациями А. Каплана к произведениям Шолом-Алейхема.

Отдельные письма сообщают о полиграфическом браке.

Однако общее, что объединяет поток писем,— огромный интерес к изданию «Библиотеки». В самом деле, на «Библиотеку» подписывались в крупных центрах и самых отдаленных уголках страны. Социальный состав подписчиков «Библиотеки» необычайно широк. Здесь представлены и знатоки книг и сельская интеллигенция, рабочие и инженеры, колхозники и врачи, молодежь.

Читатель Н. Комов из г. Белополье, Сумской области, пишет:

«У меня нет слов для выражения радости, а также благодарности за то, что мы, подписчики и читатели, можем теперь иметь такие хорошие книги в таком прекрасном издании».

Военнослужащие Советской Армии сержант т. Коновалов и рядовой т. Радченко пишут:

«Мы хотим поблагодарить Вас за Ваш благородный и нужный труд, за Ваши прекрасные книги. Нам очень часто задают вопрос: для чего мы приобретаем эти книги, для чего мы тратим небольшое солдатское жалованье на книги? Странный и смешной вопрос. Для того, чтобы сегодня знать больше, чем вчера, чтобы познать окружающий мир и сегодняшний день и научить этому своих детей».

Подписка на издание была проведена давно, однако и до сих пор, два с лишним года спустя, то и дело приходят просьбы, как и где купить тома «Библиотеки». В марте этого года редакцией была получена телеграмма от т. Никифорова с мыса Каменного, Ямальского района:

«Убедительно прошу изыскать возможность на подписку «Библиотеки Всемирной литературы». Живу в Заполярье, имею небольшую библиотеку, которой пользуются уважающие книгу люди».

Выпуск «Библиотеки Всемирной литературы» — большое событие в идеологической и культурной жизни народа. Факты убедительно говорят о том, что «Библиотеке» обеспечена долгая жизнь, что она будет надежно служить отцам, детям, внукам, историческому делу коммунистического воспитания новых поколений, великим и благородным идеям интернациональных связей народов, делу мира и светлого будущего.

Ф. А. Малявин. АВТОПОРТРЕТ. 1920-е годы.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Филипп Малявин

«ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН...»

Белый зимний лес безмолвен. Мороз. В синих сугробах стынут березы. Скрипит наст. Спешит, спешит маленький Филиппка. Надо поспеть домой, к обеду. Не поспеешь — будут ругать. Ветви елей, опушенные белым мехом, бьют по щекам, мешают идти. Шагать трудно, валенки, как пудовые, одеревенели от снега.

В руках малыша — охапка замысловатых веток, узловатых, кряжистых корневищ. Мальчишка, не глядя на восьмилетний возраст,— искусный резчик. Он целыми днями мастерит занятные фигурки зверей, человечков, птиц...

Через много-много лет, став всемирно известным живописцем, Филипп Андреевич Малявин любил вспоминать детство:

— Долгое время я никак не мог решить, быть ли мне живописцем или резчиком, и это меня очень удручало. Смотрел всегда с ужасом на годы — вот будет мне семь, восемь. До десяти я и представить себе не мог, до того это уже старость, и мне казались люди после десяти лет уже пожилыми... Я только одного боялся, как бы мне не потерять время, и бегал, собирал угли в золе и рисовал везде — на стенках, на колесах, на воротах и даже на золе. Обращался к мужикам, чтобы они мне показали, как нужно рисовать, и с успехом... пользовался их советами.

...Неуловимый свет струится откуда-то сверху, оттуда, где сквозь черную путаницу ветвей сверкает васильковое небо. Иней слепит глаза. Филиппка спешит, вот и замерзший ручей, корявые ветлы, а дальше село, колокольня.

Семья садится за стол. Во главе сам Андрей Иванов Малявин и законная жена его Домна Климова — государственные крестьяне из села Казанки, Логачевской волости, Самарской губернии, и многочисленные чада и домочадцы, среди которых и Филиппка.

...Через полвека с лишком судьба забросит русского художника Малявина в шведский город Мальме. В номере отеля «Савой» на фирменных бланках гостиницы стареющий живописец, уставший от скитаний и мытарств, изольет всю тоску по родине в воспоминаниях о далекой, невозвратной поре.

Эти листки чудом дошли до нас:

«Интересно ли вернуться и вновь опять жить — испытывать, видеть и делать, что уже ушло без возврата и забыто,— писал Ф. А. Малявин.— Интересно ли опять сидеть за столом, кругом вся моя семья, а посередине стола стоит большая миска с кислым молоком... Стол играет и в деревне большую роль и обставляется этикетом и порядком. Когда ешь хлеб, нельзя крошки терять — грех! Говорить нельзя — грех, а смеяться и подавно, иначе по лбу получишь ложкой. Поэтому едят молча этот дар божий. Деревенские ложки большие и надежные; чтобы в рот ее всунуть, нужно так открыть рот, что кадык вывалится, вот и нельзя забыть этого большого рта у отца — разевал и глотал, как великан, и на самом деле он был великан и силач. Помню его еще молодым, и он удивительно, мне казалось, похож был на Христа, с раздвоенной бородой и русый. Мать была роста невысокого, но очень плотная и красивая. Хотя не часто, водила меня к «своим» — отцу и матери. Дом их был большой, деревянный, почти напротив церкви. Церковь меня всегда к себе привлекала и тянула, и я всегда, всегда смотрел на ее купола, луковицы и необыкновенно был рад, когда слышал звон, в особенности в большие праздники. Еще рано, рано слышишь первый удар, а затем и звон, и когда видишь — все крестятся, и мне казалось, за этим звоном далеко-далеко есть что-то другое, хорошее и чудесное...»

Детство Малявина было трудное. Семья бедствовала, еле сводила концы с концами. Да тут еще пожар. Сгорела изба.

Филиппка рос, как все деревенские ребята, лазал по деревьям, таскал яйца, «словом, был грачиный бич». Взобравшись на высокую березу, оттуда, с вершины, «звонил языком, подражая двенадцати церковным колоколам».

Но посреди всех этих нехитрых мальчишечьих забав и затей одна ранняя страсть одолевала Филиппку — он рисовал, лепил из глины, вырезал из дерева, словом, *изображал*. Скоро и в семье и соседи — все заметили талант у парнишки. Друзья уговаривали Андрея Ивановича отдать сына учиться на иконописца, ну хотя бы в Афон, откуда на село попадали иконы, но отец юного художника был неумолим. Поглаживая огромными, натруженными руками бороду, он говорил: «Из крестьян, да еще почти из нищих, ученых не бывает».

Однако добрая воля односельчан победила. Нашлись доброхоты, обошли село, набрали денег и всем миром снарядили и отправили сияющего Филиппа в далекий Афон. Благо, что в селе в ту пору гостил монах, приехавший из тех отдаленных краев навестить родичей.

Мечта осуществилась. Сборы были недолги. Плакала, как водится, мать. Причитала: «Из дому отдают только сирот». Но дело было сделано. Отец положил на плечи сыну тяжелые руки, неспешно, троекратно облобызал. Промолвил: «Сдюжишь?»

Так необычно, в шестнадцать лет, начал свой путь скитальца Малявин. Думал ли, что полжизни он будет вот так бродить по свету... Но это все еще предстояло. А сейчас в дорогу! Ведь впереди Греция...

Афон разочаровал Малявина. Учение поставлено плохо. Мастера были слабые. Самоучка Филипп быстро становится ведущим иконописцем. Вот свидетельство современников:

«Освоившись быстро со всеми приемами иконописания, Малявин горячо принялся за работу, но тут встретилась новая беда: монастырь требовал от него точного списывания с установленных образцов, а Малявина неудержимо тянуло писать по-своему. Дают юноше скопировать образ, а он переделывает его на свой лад; дают другой, а он и его изменяет до неузнаваемости. Должно быть, однако, работа Малявина производила впечатление в монастыре, потому что в конце концов его оставили в покое и дали ему даже расписать целую стену в одной церковке (к сожалению, скоро сгоревшей)».

СТРАННИК ИЗ АФОНА

В сентябре 1892 года по широкой лестнице Академии художеств в Петербурге поднимался необычный странник.

У входа он низко поклонился. Осенил себя крестным знамением. В черной одежде. Худощавый, жилистый. На голове не то клобук, не то скуфейка, низко надвинутая на глаза. Русые прямые волосы падают на угловатые плечи. Бледное лицо, скуластое, глаза сидят глубоко — острые, светлые, с тяжелыми, словно натекшими, веками. Облик вроде «простецкий», но чем дольше вглядываешься в лицо, тем все больше одолевает тебя мысль, что здесь не все так просто, как кажется с первого взгляда, и уже не отвести взора от чистого лба юноши, не оторваться от бездонных светлых глаз его.

Малявин. Это он прибыл из Афона, проведя там долгих шесть лет, по существу, ничему не научившись, но, к счастью, и не растеряв посреди монашеских бдений свою неуемную любовь к прекрасному, к искусству.

Пожалуй, одно великое качество приобрел он, живя в монашеской келье,— размышлять наедине с собой. Неторопливо оценивать виденное. Говорить с самим собою, советоваться со своей душой. И, как ни странно,— *видеть*. А ведь известно, как резко отличается умение видеть от просто смотреть или глядеть.

Молодой Малявин отлично знал, что он хочет. Его крутой лоб, твердо сжатые в нитку губы, упрямый подбородок — все говорило о воле,

Ф. Малявин. 1869—1940.
КРЕСТЬЯНСКАЯ
ДЕВУШКА С ЧУЛКОМ.
1895.

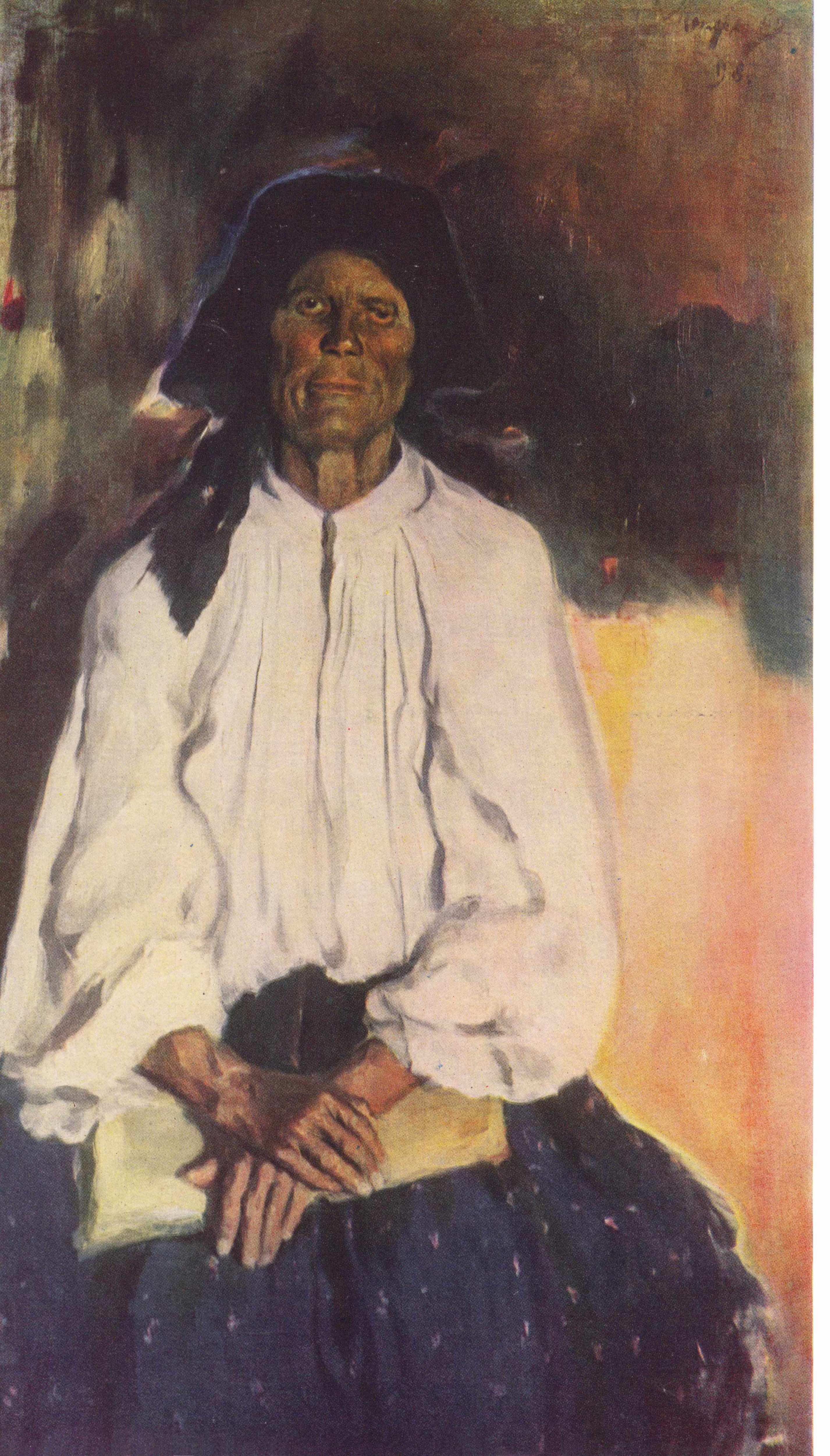
Государственная
Третьяковская галерея.

Ф. Малявин. ВИХРЬ. 1906.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. Малявин.
СТАРУХА.

Государственная
Третьяковская галерея.

твердости и даже, пожалуй, упрямстве. Стоило только взглянуть на ходящие желваки на его скулах, чтобы догадаться, какие сильные подспудные страсти владеют этим молчаливым юношей.

Он был бесконечно одинок, этот послушник из далекого Афона, перенесенный затейливой судьбой в бурный водоворот петербургской суетливой жизни. Он был чужой...

«Какая странная фигура!» — вспоминает художница Остроумова-Лебедева появление Малявина в академии.

Скульптор Беклемишев, «вывезший» молодого художника из Афона и очень много помогавший ему на первых порах, рассказывает:

«Интересный юноша был Ф. А. Малявин... Одаренный недюжинным, пытливым умом, он вместе с тем в жизни был совершенно ребенком. Приходилось всему учить его с азов. Надо было отучать и от всех монастырских навыков. Впрочем, первое правило монастырской жизни, полное подчинение своей воли воле старших, было у Малявина больше наружное... Обо всем и тогда уже было у него собственное мнение, до всего он доходил сам. Быстрое соображение помогало ему по одному намеку понимать вопрос и делать свой вывод. Все жадно его интересовало, и в особенности поражало все, что он узнавал из области науки. Когда нас посещал мой приятель астроном Гонский, у них с Малявиным завязывались бесконечные разговоры, и меня часто поражало, какие смелые и верные выводы делал иногда Малявин из того, что сообщал ему астроном».

Малявин успевал не только заниматься живописью и рисунком. Он упорно у ч и л с я. Он изучал историю искусств, анатомию, перспективу и другие предметы и успешно, несмотря на все трудности, сдавал эти дисциплины строгим профессорам.

Так что не все так просто было с этим «иноком из Афона». Очевидно, Малявин не хотел все принимать, он сопротивлялся всепоглощающей суете, «светскости» и свято берег цельность и чистоту своих идеалов и устремлений. И цельность и устремленность позволили молодому живописцу в какие-то два года стать одним из первых в академии. Его берет к себе в мастерскую великий Репин.

Игорь Грабарь, однокашник Малявина по мастерской Репина, вспоминает:

«Из «старичков» — учеников старой Академии, унаследованных новой,— резко выделялись своими блестящими талантами... Ф. А. Малявин. В старой Академии он сразу выдвинулся своими деловитыми рисунками и быстро пошел в гору. Когда я был переведен в натурный класс, Малявин постоянно приходил туда, садясь то против одного, то против другого натурщика и рисуя в свой огромный толстый альбом. Он ходил по всем классам с этим альбомом, наполняя его набросками с натурщиков и учеников, иногда позировавших ему, а иногда и не подозревавших, что Малявин их рисует.

Однажды он принес свой ящик с красками и, подойдя ко мне, просил попозировать ему для портрета. Я только что укрепил на мольберте подрамник высокого и узкого формата с новым холстом, чтобы начать этюд с натурщика. Малявин попросил у меня взаймы подрамник и в один сеанс нашвырял портрет, который произвел сенсацию в Академии. Портрет был закончен в один присест, и это так всех огорошило, что на следующий день сбежались все профессора смотреть его; пришел и Репин, долго восхищавшийся силой лепки и жизненностью портрета».

Репин... Сколько превосходных русских живописцев вышло из его мастерской! В свое время, как это полагается обычно, на художника навешивали всех собак за его якобы сумбурную манеру преподавать, за его эмоциональность, за... Да, впрочем, чем больше изучаешь историю искусств, тем больше убеждаешься, что в своем государстве трудно быть пророком. Однако нельзя не привести здесь слова Грабаря, который писал: «Педагогом Репин не был, но великим учителем все же был».

Малявин всю жизнь помнил и любил своего учителя. Он говорил на склоне лет о своих «этюдах», изумительных по силе, написанных в мастерской Репина: «До сих пор учусь по этим этюдам».

Но Илья Ефимович Репин обладал еще одним замечательным качеством. Он был не только учитель, но он был в е л и к и й б о е ц.

...Наступает в жизни каждого ученика академии самая ответственная пора. Выпуск. Конкурсная картина. Малявин пишет искрометный «Смех». Полотно, в котором вся Русь — могучая, добрая, веселая. Его кисть в этом огромном полотне предельно раскована. Будто шутя назначены фигуры хохочущих баб — могучих, жизнелюбивых, богатырских...

Совет академии проваливает картину. Малявин с трудом получает звание художника, да и то за портреты.

Устает перо от статьи к статье описывать бессмысленность, жестокую глупость (а иначе это не назовешь) некоторых маститых современников, которые за суматохой, сутолокой проглядывают, не видят дарования, таланта, губят его...

Вот тут-то можно еще раз склонить голову перед мощью репинской прозорливости, перед чистотой его души:

«По поводу академических выпусков теперь была у нас бурная баталия из-за Малявина. Этот неукротимый, блестящий талант совсем ослепил наших академиков: старички потеряли последние крохи зрения, а вместе с этим и последние крохи своего авторитета у молодежи. Старая история. Рутинеры торжествуют свое убожество».

Малявину не дали заграничной командировки, как «не защитившему диплом». Вот как расценивает его современник А. Н. Бенуа это событие:

«Самое главное явление на выставке, и в чисто художественном отношении единственное, картины или, вернее, картина г. Малявина. Слава богу, на нем можно отдохнуть; вот наконец талант, не обутый в китайские башмачки, бодро и весело расхаживающий. Честь и слава г. Репину и всей его системе, что он не затушил этого пламени, так же как и раньше уже не тушил пламени в Серове, Сомове, Бразе... Что г. Малявину не дали заграничной поездки, меня вовсе не удивляет. Если посылают такую крупную бездарность, как г. Криволуцкий, или такого готового «пилоттиста», как г. Шмаров, то совершенно логично и мудро не посылать такого истинно талантливого и столь нуждающегося в посылке художника, как г. Малявин!»

«Смех» Малявина имел шумный европейский успех. Холст выставлен в Париже и получает «Гран-при»...

«ВИХРЬ»

В живописном небе России накануне двадцатого века сияли самые разные светила. Среди них были звезды-гиганты — Репин и Суриков, зажглись ярким светом новые звезды — Валентин Серов, Врубель, Коровин, Левитан, были еще десятки прекрасных небесных светил, и среди них тусклые планеты, еле мерцающие отраженным с Запада светом,— декаденты всяких размеров и масс.

И вот в этот сонм светил врывается к о м е т а — нежданная-негаданная, сияющая алым ярким светом.

М а л я в и н. Он пришел в мир искусства радужный, свежий, небывалый. Его холсты сверкали буйными сполохами пунцовых, пурпурных, багряных красок.

Его полотна почти ничего не рассказывали. Девки, бабы в ярких сарафанах либо улыбчиво глядели на зрителя, либо плясали, либо просто о чем раздумывали... О чем?

Вот тут-то и начиналось загадочное обаяние искусства Малявина. Художник у в и д е л Р у с ь. Самую глубинную, сокровенную, сложную. Могучую и обильную... В его произведениях и восторг, и печаль, и радость, и жуткие предчувствия.

Порою кажется, что, глядя на пылающие краски полотен Малявина, видишь потухающий громадный костер. Еще где-то бушуют багровые языки пламени, но уже предвещают гибель огня розовые угли, тлеющие в самом сердце полыхающей стихии. Гаснут пурпурные блики, темнеет багряный свет, и вот уже ночь готова вступить в свои права. Синие, изумрудно-зеленые, бирюзовые краски — холодные, рассветные, вступают в борьбу с пожаром.

Утро близко...

Тончайшая душа русского живописца, подобно нежнейшей мембране, ощущала предгрозовую, огневую атмосферу кануна века революций и войн, двадцатого века.

«Вихрь». Это апофеоз малявинского таланта. Этот огромный холст горит так ярко, что не только соседние картины меркнут, но даже живые люди, стоящие рядом с полотном, кажутся серыми...

Репин, как всегда восторженно и категорично, заявил:

«...у нас в России гениальным представителем нового вида искусства я считаю Ф. А. Малявина. А самой яркой картиной революционного движения в России — его «Вихрь».

Нестеров, особенно остро чувствовавший тему Руси, писал члену совета, ведавшего тогда Третьяковской галереей, И. С. Остроухову:

«Не упускайте Малявина, не останавливайтесь на полумерах, нет их хуже!

Искренне желаю Вам обновить галерею Малявиным, столь же искренне желаю, чтобы галерея вместила в себя все, что и впредь появится свежего, талантливого, будь то произведение с громким именем автора или вовсе без такового».

Русская печать остро реагировала на «Вихрь». Вот отклик из газеты «Новости дня»:

«...огромное малявинское полотно буквально ослепляет... Чем-то стихийным веет от этих могучих баб-богатырш, несущихся в вихре стремительной пляски. Словно сказочные героини старорусских былин, из хаоса восставшие дочери Микулы Селяниновича проносятся перед зрителем...»

Малявин много обещал. Казалось, что былинный, богатырский склад его таланта создаст новый, невиданный мир образов. Что его «Вихрь», его девки и бабы только великанская заявка, п о ч и н...

ТЕРНИИ СЛАВЫ

Поразительна судьба Малявина. За считанные годы никому дотоле не известный инок покоряет Петербург, Париж, Россию.

Казалось, нет преград богатырскому гению художника, былинности его образов.

Художник внешне верен себе, своей теме, он уезжает в Рязань, в глубинку и скрывается от суеты, от завистливых глаз. Несколько лет он отсутствует на выставках и пишет, рисует, компонует.

Его посетил друг Грабарь и записал встречу:

«...В августе я уехал к Малявину... Когда я приехал, то застал его в мастерской вместе с четырьмя или пятью бабами, разодетыми в цветные сарафаны. Бабы ходили по мастерской, а Малявин быстро зарисовывал их движения в огромный альбом. Он рисовал большими обрубками прессованного мягкого грифеля, которые откуда-то выписал».

Художник, казалось, нашел свою тему, свою песнь. И друзья, зрители ждали от Малявина новых слов, н о в о й к р а с о т ы...

Но в ядреной, кондовой натуре Малявина незримо, неслышно для него появился некто другой... Чужой...

Писатель Бабенчиков, позируя художнику, мне кажется, заметил этого «второго Малявина» — «маэстро»:

«Малявин ступал твердо, говорил густым голосом, писал размашисто, «с лету», сразу схватывая основные характерные черты. Рисуя, заставлял меня все время ходить по комнате, то приближаясь, то отдаляясь от него. И сам в это время изучал натуру, сначала набрасывая весь контур в общих чертах, а затем дополняя рисунок мелкими деталями.

Когда я подходил к нему на близком расстоянии, он рисовал мою голову, а когда отходил, он набрасывал все остальное. Может быть, поэтому голова вышла несколько большей по размерам, чем это следовало, но сам рисунок, особенно руки, выполнен артистически...

Когда Малявин рисовал, я явственно слышал каждое прикосновение его карандаша к бумаге, любуясь быстротой и смелостью скупых и метких малявинских движений. Это была поистине работа мастера высокого класса, правда, несколько избалованного чрезмерными похвалами и поэтому слишком уж уверенного в себе...»

...Наконец Малявин решил выступить на выставке. Три года работы позади. Он показывает заждавшимся зрителям «Автопортрет с семьей».

Колоссальное полотно изображает семью художника в шикарном

интерьере, в новомодных туалетах, словом... картина терпит невиданное фиаско.

Нестеров с чувством боли пишет об этом провале Малявина:

«Но портрет оказался шваховый, хотя местами и малявинист, но «вульгарен» и безвкусен и был тотчас же по осуждении предан равнодушию капризных москвичей. Словом, бедняга Малявин обречен волею судьбы на писание «баб», и в «благородное общество» ему дорога заказана».

Самое печальное, что сам автор не понял провала. В нем слишком сильно развился «второй Малявин» — «маэстро», и, видно, он-то и водил рукой художника: «Моя философия: как хорошо ни напиши, а моськи всегда найдутся...»

Так «маэстро» поборол художника.

САРАФАНЫ ВЫГОРЕЛИ

«И вот дни и годы уже туманятся и сливаются в памяти,— многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших для меня обычным существованием, определившимся неопределенностью его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и доныне, когда надлежало бы мне иметь хоть какое-нибудь свое собственное и постоянное пристанище, на смену чужих стен,— теперь, уже почти два десятилетия, французских,— мертвым языком говорящих о чьих-то неизвестных, инобытных жизнях, прожитых в них».

Эти горькие слова замечательного русского писателя Ивана Бунина, оказавшегося в эмиграции, мог повторить Филипп Малявин.

А ведь казалось, что новая Россия хорошо приняла живописца. Вот воспоминания современника о первой выставке в Рязани, открытой в феврале 1919 года:

«...Такой выставки никогда не видала Рязань... Большая, сильная выставка. На заводах, в депо железных дорог кликнули клич: «На выставку!» На базарах, постоялых дворах, среди крестьян ходили агитаторы: «На выставку!» И было это необыкновенно. Но было именно так. Еще гремели выстрелы, голод давал о себе знать резко и властно, белогвардейцы устраивали заговоры, иностранные интервенты двигались к центру, чтобы задушить только что родившуюся социалистическую республику. Все было пронизано борьбой. И вдруг выставка. Но разве эта выставка не была частью той же борьбы? «Искусство в массы!», «Искусство миллионам!» — разве в этом не было нового, разве это не хоронило прошлое?

— ...Идемте, идемте,— зовет Малявин и тащит меня за руку в зал. Я вхожу. Рабочие, крестьяне, солдаты — их много, они заполняют комнату.— Смотрите,— говорит он. Я оглядываюсь по его зову и вижу: около портрета старухи — группа женщин...

— Я говорил вам, позовите крестьянок, работниц, и они скажут: «Малявин — наш»,— шепчет мне Малявин...»

Казалось, что же более. Признание, полное, народное... Но в истории искусства и в судьбах отдельных художников бывают сложности, которые не опишешь в коротких статьях...

И вот Малявин на чужбине. Его замечательные картины разбросаны по всему свету, его архив погиб, и мы не узнаем подробностей о его жизни...

В недавно вышедшей книге Б. Н. Александровского «Из пережитого в чужих краях» мы узнаем всего лишь одну страничку, касающуюся жизни Малявина:

«Вне родной земли, родных людей и родной природы увял талант еще одного большого русского художника, который в первые годы нынешнего века взбудоражил своим молодым задором и смелостью всю художественную Москву. Это — Малявин...

После Октябрьской революции он некоторое время жил в Швеции. Его «русские бабы» изредка появлялись на парижских выставках и в витринах парижских художественных магазинов, но от прежнего Малявина в них не осталось почти ничего. Малявин зарубежный завял, как завяли и многие другие его собратья.

...Шаляпин как-то обмолвился следующими крылатыми словечками о Малявине:

— Малюет он и сейчас неплохо, да только все его сарафаны полиняли, а бабы сделались какими-то тощими, с постными лицами... Видно, его сможет освежить только воздух родных полей, и больше ничто...»

Мы глядим на немногие репродукции работ Малявина, написанных в пору скитаний, и с горечью не можем не согласиться с оценкой Шаляпина. Не тот стал Малявин. Вялая форма, дробность цвета, погасший колорит. Порою только сюжет помогает узнать кисть художника. Да и сам Малявин признавался со вздохом: «Вне родины нет искусства».

Вот последний штрих из трагической жизни Малявина. Он не требует комментариев:

«...в момент внезапного наступления немцев в 1940 году на Бельгию Ф. А. Малявин находился в Брюсселе, где писал портрет какого-то высокопоставленного лица. Не зная другого языка, кроме русского, он был схвачен германцами и был обвинен в шпионаже. Спасся он только тем, что командующий отрядом был сам художником... Ф. А. был отпущен. Ему пришлось идти пешком через всю Бельгию и Францию, и только после долгих мытарств, больной, к концу июля добрался он до Ниццы. Художник из Брюсселя возвратился совершенно истощенный, желтый от разлившейся желчи, слег, потом отправлен в клинику, откуда уже не вернулся». Заказы и успех сопутствовали Ф. А. Малявину в его жизни за границей далеко не все время. В последние, предвоенные годы он жил, по-видимому, очень скромно, если в преклонном возрасте, семидесятилетним стариком, один поехал в незнакомую страну для написания заказного портрета. Известно также, что дочь Ф. А. Малявина для покрытия расходов на похороны отца продала за бесценок пятьдесят полотен торговцу картинами из Страсбурга».

* * *

Так драматична и сложна судьба Малявина, как, впрочем, и не только одного его.

Но тем ослепительнее и ярче сияние его чудесных полотен, его великолепных творений. Пройдите по залам наших сокровищниц, наших музеев и галерей, и вы снова ощутите во всей первозданной свежести чистую душу живописца, отдавшего весь жар своего сердца одной лишь любви — Руси!

МНОГОГРАННОЕ ТВОРЧЕСТВО

К 75-летию Ю. Н. Тынянова

Он был ученым-литературоведом, историком, киносценаристом, поэтом, первоклассным переводчиком, великолепным романистом, чьи произведения были умны, познавательны, остры, оставляли глубокий след в душе читателя.

В 1925 году Юрий Тынянов написал свой первый исторический роман «Кюхля». По первоначальным наметкам предполагалось, что роман (или повесть) займет не более пяти печатных листов и обращен будет к юношескому читателю. Юрий Тынянов написал девятнадцать печатных листов. Заказчик — издательство «Кубуч» (в переводе на общедоступный язык это загадочное слово означало Комиссия по улучшению быта ученых) — рассчитывал, что получит брошюру, а получил отличный роман, что привело в немалое смущение руководителей скромного, неприметного издательства. Роман сразу получил широкое читательское признание. Его рвали из рук. Спрашивали во всех библиотеках. Он был ярко талантлив. Он с невиданной до тех пор силой раскрывал людям трагический образ поэта, исступленно любившего вольность, он рассказал о декабристах так, что мы зримо увидели их, оказались рядом с ними, почувствовали вкус и запах описываемой эпохи. Это было одновременно и художественное произведение и научное исследование. В нем ученый и беллетрист не вступали в борьбу друг с другом, а гармонично сливали свои усилия.

Много лет спустя, в 1939 году, в своей краткой автобиографии Юрий Николаевич написал: «Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не «выдумкой», а бóльшим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них».

Несомненно, этот девиз владел его сердцем и тогда, когда он взялся за «Кюхлю». Несомненно и то, что тонкое постижение того времени могло возникнуть и утвердиться с такой выпуклостью еще и потому, что автор пережил и перечувствовал события еще более высокие: 1917 год подсветил и раскрыл для художника год 1825-й.

Счастливая судьба «Кюхли» открыла Ю. Н. Тынянову дорогу для осуществления широких творческих замыслов. Через два года появляется ставший всемирно известным исторический рассказ «Подпоручик Киже» и завершается работа над романом «Смерть Вазир-Мухтара» — об Александре Грибоедове.

«Подпоручик Киже» начинается фразой: «Император Павел дремал у открытого окна. В послеобеденный час, когда пища медленно борется с телом, были запрещены какие-либо беспокойства». Вчитываешься в эту фразу, и давно ушедшее время волшебно встает перед тобой, и ощущаешь чуть ироническую улыбку автора, и слышишь печаль в его голосе — дворцовый анекдот становился грустной повестью о человеке, рожденном канцелярской описки, о невероятной жизни персоны секретной, фигуры не имеющей.

Роман «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова вызвал и восхищение, и упреки, и споры: таков ли в действительности был автор бессмертного «Горя от ума», каким он явился нам в романе? Споры эти были решены Горьким, сказавшим: «Должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет».

Старшее поколение советских людей отлично помнит изумившие тогдашнего кинозрителя немые фильмы «Шинель», по мотивам повестей Гоголя «Шинель» и «Невский проспект» и «СВД» (Союз великого дела), посвященный декабристам — восстанию Черниговского полка. Сценарии этих фильмов были написаны Юрием Тыняновым. «Шинель» не была иллюстрацией повести Гоголя, а самостоятельной повестью в манере Гоголя с осложненной фабулой и драматизированным героем.

Многие увидели в этих картинах широкий взлет творческой мысли, некоторые ничего не увидели. Как впоследствии писал Тынянов, «радостная травля критики на этот раз превысила все, что может себе представить средний читатель». Григорий Козинцев в своих воспоминаниях благоговейно рассказывает о Юрии Тынянове, как о своем мудром учителе, утверждает, что «влияние его на наши фильмы сказывалось и дальше», что, «задумывая «Юность Максима», мы вспоминали его любовь к подлинным документам, невыдуманным историям», «что и «Гамлета» мне было бы ставить гораздо труднее, если бы много лет назад я не работал и не дружил с Тыняновым», и заключает свои воспоминания фразой: «Пожатие его дружеской руки помогает мне всю жизнь».

Юрий Тынянов умер в декабре 1943 года, тогда ему еще не было и 50 лет. Сколько бы мог еще дать отечественной литературе и исторической науке этот блестящий человек, соединивший в себе талант и глубокие знания, утверждавший и в теории и на практике плодотворную мысль, что между методами науки и искусства пропасть совсем уж не так велика.

Все, созданное им — и «Кюхля», и «Смерть Вазир-Мухтара», и незавершенный, прерванный смертью автора «Пушкин», и исторические рассказы,— живо и трепетно до сих пор. И каждое новое поколение советских читателей жадно приникает к страницам его книг, видя в них источник познания, красоту таланта.

Юрий Тынянов писал: «Ощущение нашей страны, как страны великой, сохраняющей старые ценности и создающей новые,— главный двигатель работы и историка литературы и исторического романиста».

Это он и подтвердил всей своей яркой творческой жизнью. Он был ученым в литературе и художником в науке.

Ник. КРУЖКОВ

Виталий ЗАКРУТКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

МАТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Мария не вырвала из Славиной командирской книжки исписанные им страницы, жалко было. Молодой политрук пофамильно перечислял погибших бойцов роты, раненых и прибывших с новым пополнением, еще не обстрелянных юношей. Тремя-четырьмя строчками он для памяти определял характер каждого бойца, чтобы потом поговорить с ними, помочь, если надо.

Так, продолжая Славины записи, появились новые, написанные Марией, строки о тракторах и сеялках, о саперных лопатах, топорах и ломах, найденных ею в окопах, о брошенных солдатами мотках телефонного провода и колючей проволоке — обо всем, что могло сгодиться вернувшимся на пепелище людям...

В один из морозных декабрьских дней Мария решила сходить на один из самых дальних участков бригады, который граничил с землями соседнего колхоза. Этот участок редко пахали, оставляя его для выгула телят. Соседи, чье село было далеко от хутора, километров за сорок, тоже ничего не сеяли на своих землях, потому что степь тут на большом протяжении была изрезана неглубокими балочками, водомоинами, солонцовыми западинами. Пахать ее было трудно, неудобно, и она годами лежала нетронутой.

День был морозный. Обведенное призрачными, радужного оттенка кругами низкое солнце желтовато освещало засыпанную снегом степь. Снег скрипел под ногами Марии, слепил глаза. Она шла медленно, по-утиному переваливаясь. Даже под запахнутой шинелью видно было, как выпирает ее живот. «Шестой месяц пошел,— прикинула Мария,— скоро уж рожать, и доведется тебе, дите мое ненаглядное, прийти в белый свет не в больнице, не в родильном доме, а на пожарище, в темном погребе...»

Уже четыре месяца она жила одна, не видя людей. За долгие месяцы у нее почти исчез страх. Она поняла, что гиблые эти места, отдаленные от большой дороги, никому не нужны, что немцы пошли куда-то далеко на восток и ей не угрожает опасность встречи с врагами. Теперь на душе у Марии остались только тяжкое горе, которое невозможно было выплакать никакими слезами, да тоска одиночества.

Вот и граница родной ее третьей бригады. Кругом пусто. Только невысокие столбики с черными, написанными дегтем номерами торчат из-под снега, да неподалеку высится потемневший от осенних дождей, чуть присыпанный снежком забытый стог сена.

Мария остановилась, постояла, сунув озябшие руки в рукава шинели. Ничто не нарушало зимней тишины. Где-то очень далеко шли невиданные по ожесточенности сражения, гремели залпы множества пушек, умирали тысячи людей, стонала потревоженная земля, а здесь, в пустом, осиянном желтым солнцем, заснеженном поле, стояла такая тишина, что Мария слышала дыхание сидевших поодаль собак, и ей казалось, что нет ни войны, ни смертей, а есть только это вечное, глубокой голубизны небо, и недоступно далекое солнце, и земля, которая кормит людей и, отдыхая, спит сейчас под холодным снегом, чтобы с первыми весенними лучами солнца пробудиться и вновь начать бесконечную, благостную, нужную людям, животным и травам свою работу...

Вдруг Марии почудилось, что она слышит глухие, невнятные человеческие голоса. Ослабив туго завязанный, сшитый из палаточного брезента платок, Мария прислушалась. Да, там, где стояла покрытая снегом копна сена, слышался детский плач, а два голоса, тоже детских, уговаривали кого-то, и Мария ясно услышала слова:

— Перестань плакать! Слышишь? Тебе говорят! Перестань, а то немцы придут, всех нас повесят...

Дружок и Дамка, навострив уши, поглядывали то на копну, то на Марию и всем своим видом показывали: в копне кто-то есть. Приученные новой хозяйкой, они не кидались очертя голову, чтобы облаять неизвестную им опасность, а ждали сигнала.

Мария предостерегающе подняла руку. Осторожно, стараясь не скрипеть снегом, пошла к копне. У самой копны остановилась, шепотом сказала собакам:

— Тихо!

Из копны послышался тот же слабый детский голос:

— Не плачь, Дашенька! Слышишь? Не плачь! Разве ты одна хочешь кушать! И Таня хочет кушать, и Наташа, и Лара, и Андрюша, все хотят кушать, а они, видишь, не плачут...

Обойдя копну, Мария увидела протоптанную в снегу тропу. Из причолка высокой копны сквозь подтаявший снег едва заметно струился призрачный парок. Сердце Марии сжалось. «Дети! — мелькнула у нее мысль.— Малые дети! Заблудились... голодные...»

Она наклонилась, разгребла сено. Увидела смуглое лицо худенькой девочки, ее широко раскрытые, полные страха карие глаза.

— Не бойтесь, деточки,— негромко сказала Мария.— Выходите. Немцев тут нет... Я одна... Тетя Мария меня зовут... Выходите, прошу вас...

Из копны вылезла черноглазая девочка лет тринадцати, такая изможденная и худая, что Мария дрогнула от жалости.

— Откуда вы, детки, и сколько вас тут? — спросила она, обняв девочку.

Девочка заплакала навзрыд, упала на снег, обхватила ноги Марии непослушными руками, невнятно залепетала:

— Нас тут много... Семеро... Мы из Ленинграда, из детского дома... Эвакуированные... Нас долго везли поездом, потом, когда немцы стали бомбить поезд, наши воспитатели были убиты, и много детей сгорело... А мы, которые остались живыми, убежали... Бежали долго и заблудились... Нас было семнадцать, осталось семеро... Десять умерли по дороге с голода — три девочки и семь мальчиков .. Не обижайте нас, тетечка, миленькая... Нам всем очень холодно, и мы хотим кушать...

Опустившись на корточки, прижав к себе худое тельце девочки, едва прикрытое лохмотьями, Мария забормотала, содрогаясь от рыданий:

— Голубяточки мои... Деточки родные... Выходите все... Все выходите... Я вас накормлю, напою, искупаю... Мы будем жить вместе... Я одна, совсем одна... и голоса человеческого давно не слышала...

Из копны стали вылезать дети. Худые, полуголые, забитые, придавленные страхом и голодом, с глазами, полными слез, они сгрудились вокруг рыдающей Марии, навзрыд заплакали сами, повисли на ее шее, на плечах, прижимались к ней, бились у ее ног. Мария, пытаясь обнять и согреть их всех, целовала грязные их ножонки, жалкие, запавшие животы, давно не стриженные волосы, в которых торчали колючие, сухие остья...

Они шли по заснеженной степи гуськом, одиноким, затерянным в глуши караваном, до которого не было дела ни прозрачному небу, ни холодному солнцу, ни равнодушной, скованной морозом земле. Впереди, неся на руках двух трехлетних детей — Дашу, которая плачем обнаружила жалкое пристанище сирот, и такого же мальчика Андрю-

Окончание. См. «Огонек» №№ 38—41.

шу,— шла Мария. Черноглазая Галя — она в этой заблудившейся стайке была за старшую — тащила на спине совсем ослабевшую, уснувшую Олю, а белобрысая Наташа и две девочки — Таня и Лара,— спотыкаясь, еле волоча ноги, брели сзади...

Весь вечер Мария грела на печке воду, поочередно искупала детей, приспособив для этого большой алюминиевый термос из немецкой походной кухни, помыла им головы, напоила всех теплым молоком и уложила спать, а сама, поглядывая на спавших детей, принялась стирать их ветхие лохмотья.

Не спали только две старшие девочки — Галя и Наташа. Следя за Марией полузакрытыми глазами, они вздыхали, тихо ворочались, потом, не выдержав, стали шепотом, чтобы не разбудить спящих, рассказывать Марии о долгих и страшных мытарствах.

— Из Ленинграда наш детдом везли ночью, на машинах,— шептала Галя.— Было очень холодно, и мы долго ехали по льду. Над нами летали немецкие самолеты, они бросали бомбы. Тогда прожекторы освещали темное, совсем черное небо, и наши зенитчики стреляли из пушек в немцев... Потом нас привезли на какую-то станцию, посадили в поезд, но никто не сказал, куда мы едем...

— А в Ленинграде все люди голодали и воды ни у кого не было, потому что немцы окружили город,— вспоминала Наташа.— Нашему детдому еще давали хлеб и повидло... маленький такой кусочек хлеба, как спичечная коробка, и чайную ложечку повидла... У нас умерло мало детей: только девять мальчиков и четыре девочки...

Галя прерывисто вздохнула.

— Люди там умирали прямо на улицах. Идет, идет человек, упадет и умрет... долго лежит на тротуаре, пока кто-нибудь его похоронит... У нас, в соседнем доме, жил один доктор, так его девочка свои босоножки сварила, порезала ножом и ела... У нее каждый день была рвота, и она умерла возле ворот своего дома...

— Когда немцы бомбили наш поезд, было так страшно! — сказала Наташа.— Они налетели утром, мы все еще спали. Вскочили от взрывов, а вагоны уже горят и опрокидываются под насыпь. В нашем вагоне была воспитательница Евгения Васильевна, хорошая такая, старенькая женщина... Она всегда в черном платье ходила и очки носила, потому что плохо видела... Мы когда выскочили из вагона, видим: под насыпью Евгения Васильевна мертвая лежит, голова у нее оторвана и кровь течет...

— А оторванная голова в траве... и очки на закрытых глазах...

Отвернувшись к стенке, Галя заплакала.

— Не плачь, деточка,— сказала Мария.— Не плачь и ничего не бойся. Теперь все будет хорошо... У меня вот тоже сыночек был, Васенька... такой примерно, как вы... так немцы его повесили...

Мария тоже заплакала. Теперь Галя стала ее утешать.

— Не плачьте, тетенька, не надо. Вы же сами сказали, что теперь все будет хорошо.

Помолчав, Галя закончила горестный свой рассказ:

— Когда немцы разбомбили наш поезд, все дети разбежались кто куда. Всего нас в поезде было сто шестьдесят. Кого убили, кто сгорел, и куда девались остальные, мы не знаем... Мы долго шли степью, лесами. Ночевали где-нибудь в кустах или в копнах, чтоб немцы нас не нашли. Иногда заходили в деревни, и женщины плакали и давали нам хлеба, сала, яичек. Женщины в двух деревнях хотели нас оставить у себя, разобрать по домам, но мы один раз увидели живых немцев, они были все пьяные, в трусиках, в грязных рубашках с подвернутыми рукавами. Они стреляли из автоматов в людей, в собак, в кошек... Мы испугались и, когда стемнело, опять ушли в степь... Шли долго, много дней, и очень хотели пить. Один раз нашли пустые консервные банки, подвязали к ним проволоку. Получились ведрышки. Когда приходили к пруду или к речке, набирали в них воду и несли с собой...

— А что ж вы, бедняжечки, ели? — спросила Мария.

— Ели что придется. Картошку копали и грызли сырую, потому что спичек у нас не было и мы не могли развести костер. Семечки подсолнухов ели, разную травку и листья жевали. Нашли брошенный людьми сад, яблок с собой набрали.

— Ну, а те три девочки и семь мальчиков,— спросила Мария,— они что? С голоду умерли?

— Да,— спокойно сказала Галя,— с голоду. Сначала у них началось расстройство желудка, они одной водой ходили, потом совсем ослабели и умерли за два дня. Мы их закопали, крестики из веточек на их могилах поделали, поплакали и пошли дальше...

Мария погладила темные волосы девочки, прижалась щекой к ее щеке.

— Спи, деточка,— сказала она тихо,— больше этого ничего не будет. Дождемся наших, и все будет хорошо...

Так семь маленьких странников, сирот из ленинградского детского дома, остались жить с Марией в ее теплом погребе. Вот Марии и пригодилось тряпье, которое она собрала в окопах, постирала и сложила про запас. Несколько дней она возилась, обшивая полураздетых детей: сшила им платьишки, тапочки и шапки из плотного шинельного сукна, раскроила и порезала полинявшие солдатские гимнастерки на портяночки, одела всех потеплее.

Мария рассказывала детям о хуторе, о приходе немцев, о смерти Ивана, Васятки и Фени, о том, как она похоронила в кукурузе Саню, а потом несчастного Вернера Брахта и политрука Славу, как, ища человека, к ней стали сходиться коровы, собаки, овцы, лошади, куры, как слетелись на хуторское пожарище голуби.

Она по-прежнему ежедневно уходила на работу, наказав детям никуда не отлучаться, выходить из погреба только по крайней нужде и не разговаривать громко, чтобы не привлечь к себе внимания.

Несколько дней она кормила детей щами из соленого конского мяса, заправленной молоком кукурузной кашей, потом зарезала овцу, пять кур. На ее глазах изможденные дети стали поправляться, посвежели, на их худых, обветренных лицах появился румянец...

Маленький Андрюша первый назвал ее мамой. Однажды вечером, когда Мария вернулась с поля и спустилась в погреб, мальчик вскочил с нар, повис у нее на шее и радостно закричал:

— Мама пришла! Мама пришла!

А трехлетняя Даша повторила, захлопав в ладошки:

— Мама! Наша мама!

Скрывая слезы, Мария сказала:

— Ну да... мама... ваша мама... а то чья же?

В этот же вечер Галя, Наташа, Таня и Лара, окружив Марию, спросили застенчиво:

— Можно, мы тоже будем называть вас мамой?

— А я и есть ваша мама,— глухо сказала Мария.— Был у меня один-единственный сыночек, а теперь вон вас сколько, и все славные, хорошие деточки...

Проходили зимние дни, долгие зимние ночи. В поле выли метели, высвистывала ветрами снежная пурга. А в жарко натопленном, скрытом от людских глаз погребе всегда было тепло, в железной печурке негромко потрескивали загодя принесенные из леса дрова, мигал, слабо освещая детские лица, светильник-жировичок. Перед сном Мария рассказывала детям сказки или тихо-тихо пела любимую песню покойной своей матери:

Снежки белые, пушисты
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли
Они горя моего...

Притихнут, прижавшись друг к другу дети, слушают грустные слова песни:

Есть кусточек среди поля,
Одинешенек стоит,
Он не сохнет, он не вянет,
А листочков на нем нет...

Слезы льются из глаз Марии, вытирает она их украдкой, чтоб не видели ребята.

День тоскую, ночь горюю,
Потихоньку слезы лью.
Слезка канет, снег растает,
Травка вырастет на нем...

Несколько вечеров рассказывала Мария детям о своем колхозе, об угнанной немцами третьей бригаде, о каждом из хуторян в отдельности. С гордостью говорила о том, как не покладая рук работала третья бригада на отведенной ей колхозной земле, какими чистыми были всегда поля пшеницы и кукурузы, каким упитанным и ухоженным скот, как много молока давали коровы и какими сладкими и сочными были на бахче выращенные в бригаде арбузы и дыни.

— Как немцы пришли, так все это добро порушили, спалили, а людей всех угнали неведомо куда,— с горечью сказала Мария.— Не стало нашей бригады, и колхоза не стало. Вывеску и ту фашисты сорвали, бросили на землю и ногами затоптали.

— А мы вывеску вашу видели, она на дереве прибита,— сказала Наташа.

— Это я ее прибила,— задумавшись, сказала Мария.— Жалко мне стало наших людей, которые столько труда в колхозную землю вложили, столько почетных грамот и переходящих знамен получили за свой честный труд. Подумала я, подумала, подняла с земли эту растоптанную вывеску, прибила на старую яблоню. Погляжу на нее — и перед глазами, как живые, встают наши люди, и зеленые поля, и сады... Один раз глядела я на эту вывеску, вспоминала все, чем мы до войны и до этого разорения жили, и так решила: не дам сгинуть бригаде, сама за всех буду работать... Вот и работаю всю осень и почти всю зиму: подсолнухи режу, кукурузные початки ломаю.

— И много еще осталось убрать? — спросила Наташа.

Мария печально усмехнулась:

— Осталось начать да кончить, деточка. В бригаде у нас работали шестьдесят три человека, а теперь я одна...

Однажды вечером, вернувшись домой, Мария заметила, что старшие девочки шепчутся, поглядывают на нее просительно, вроде сказать что-то хотят. Наконец Галя решилась, подошла, теребя конец темно-русой косички.

— Мы хотим вам помочь, мама,— сказала она,— вам трудно одной. А мы уже большие — Наташа вот, Таня, Лара и я. Оля будет оставаться с малышами дома, а мы вчетвером с вами в поле пойдем...

Пришлось Марии вновь заняться шитьем. Она порезала еще одну найденную в окопе шинель, сшила из сукна четырем девочкам валенки, вместо подошвы подшила конскую кожу, рукавички всем поделала, одела девочек потеплее, и пошли они с ней в поле.

— Ну вот,— сказала Мария,— это уже настоящая бригада. Теперь дело пойдет веселее. А за бригадира, деточки, доведется быть мне. У нас только один тесак, больше ничего нет. Значит, я буду резать подсолнухи, Галочка их к месту относить будет, а вы, Наташа, Таня и Лара, кукурузные початки будете ломать и в воронку складывать...

Так морозным зимним днем в степной глуши возродилась уничтоженная немцами третья бригада колхоза имени Ленина...

С приходом девочек работа в поле пошла значительно быстрее. За три недели обе бомбовых воронки были заполнены обломанными кукурузными початками. Росли бурты срезанных головок подсолнуха. Все в новой большой семье Марии было спокойно, мирно; старшие девочки ежедневно выходили с ней на работу, сытые малыши вели себя чинно, из погреба никуда не выходили, скотина вовремя была накормлена и напоена...

Марии казалось, что уже ничто не нарушит той жизни, которая затеплилась на

мертвом хуторском пожарище, что вокруг вечно будет стоять ничем не потревоженная тишина и никто из людей никогда не появится в глухой, засыпанной снегом долине и на покинутых, всеми забытых полях на холме. Но однажды ночью, когда все дети и обе собаки мирно спали в жарко натопленном погребе, Марию разбудил глухой отдаленный гул. Она приподнялась на нарах, прислушалась. Грозный гул не утихал. Он то приближался, и тогда Марии казалось, что земляные стены погреба начинают еле заметно вздрагивать, а коптилка в нише тревожно мигает, то отдалялся, слабея, откатываясь куда-то.

Мария встала, надела шинель, сапоги, повязала голову платком. Тихонько, чтобы не разбудить детей, вышла из погреба, прикрыла люк. Ее охватил знобящий зимний холод. Луны не было. На темном небе мерцали звезды. Снег голубовато светлел. За рекой, далеко на востоке, слабо трепетали красноватые сполохи. Басовый, утробный гул доносился оттуда, с той стороны, и Мария поняла: откатившийся на восток фронт вновь приближается сюда, к глухой, заснеженной степи, и вновь гремят тысячи пушек и горят хутора, села и города.

Она не знала и не могла знать, что в эту зимнюю ночь там, далеко, у стен большого, разрушенного в непрерывных боях города на Волге, в гуле пушек, в бесновании минных разрывов и свиста пуль совершается то великое, что повернет наконец ход войны и принесет освобождение многим миллионам измученных, исстрадавшихся людей.

Мария не знала этого, но она не могла не понять, что услышанный ею после стодневной тишины отдаленный гул пушек означает одно,— что немцы откатываются на запад, а советские армии наступают. В эту морозную ночь слабая надежда на то, что скоро на хутор придут свои люди, впервые возникла в ее душе.

Утром она сказала детям:

— Слышите? Это идут наши...

Отдаленную пушечную канонаду они слышали каждый день и каждую ночь. Но проходили недели, и казалось, великое сражение происходит в каком-то одном неведомом круге и никакие силы не смогут разорвать границ этого смертного круга. Потом гул пушек стал слабеть, вовсе утих. Снова послышался где-то севернее, за холмами, то приближался, то отдалялся, и сбитая с толку Мария уже не знала, что думать.

Дни шли своим чередом, становились длиннее. Все больше пригревало солнце, и уже откуда-то с дальних полей, на которых кое-где еще лежали серые пятна отяжелевшего снега, по утрам тянуло запахом оттаявшей земли, а теплый ветер подсушивал лужи, и тогда всюду пахло близкой весной. Были дни, когда ветер начинал дуть с севера, небо заволакивалось низкими, темными тучами, в воздухе носились крупные снежинки, потом лили холодные дожди, и опять небо становилось ясным, и теплые лучи солнца пригревали землю, над которой легким маревом струился почти невидимый пар...

По примеру Марии дети бродили по сожженным хуторским дворам и каждый раз возвращались с какой-нибудь находкой: то прокаленную пожаром мотыгу притащат, то вилы, то лопату или топор; а то насобирают полное ведро обгоревших гвоздей, гаек, болтов.

Как-то после полудня, когда Мария, зорко поглядывая по сторонам, чтобы ее не прихватил кто-нибудь чужой, сушила на ветках яблони постиранную детскую одежонку, к ней подбежала испуганная Галя и заговорила, глотая слова:

— Ой, как страшно, мама! Мы... это самое... кирпичи разбирали возле той стены,— она показала на остатки сожженного бригадного домика,— и... это самое... под стеной нашли три черепа и кости... там, видно, кто-то сгорел...

Мария побледнела, схватилась за сердце. Она упала бы, если бы Галя не поддержала ее и не закричала:

— Что с вами, мама?

— Три черепа, говоришь? — с усилием разжимая бледные губы, спросила Мария.— Два больших, а третий маленький? Так, что ли?

— Да, два больших, а третий поменьше,— сказала Галя,— они лежали рядом, мы их так и оставили.

— Пойдем туда, деточка,— слабея, сказала Мария,— это они... Иван мой и Васенька... сыночек... И Феня с ними...

Да, это были останки тех, кого в тот страшный сентябрьский день казнили гитлеровские каратели. Перед уходом из горящего хутора они сняли повешенных с тополя и швырнули в объятый пламенем бригадный домик...

Долго убивалась Мария, стоя на коленях перед грудой обгоревших костей, долго целовала черные от копоти черепа, исступленно царапала землю, замирала в беспамятстве. Она выкрикивала слова любви и материнского горя, и эти бессвязные слова переходили в истошный звериный вой...

Испуганные дети окружили Марию, обнимали ее, в один голос кричали:

— Мама! Не надо, мамочка!

И вновь потрясшее Марию слово «мама» вернуло ее к жизни. Молча поднялась она с колен, долго стояла, опустив голову, больно стиснув зубами пальцы покрытой сажей руки. Потом разжала рот, сказала коротко:

— Принесите ящик, который стоит в углу...

Это был обычный снарядный ящик, окрашенный краской цвета хаки, с двумя железными ручками. Еще осенью, бродя между двумя линиями окопов, Мария оказалась на покинутых огневых позициях. При отступлении артиллеристы успели увезти пушку, а десятки пустых гильз и четыре снарядных ящика бросили на речном займище. Мария унесла ящики к себе, один из них служил ей столом.

Когда девочки принесли ящик и поставили у ног Марии, она сказала:

— Теперь нарвите полынка. Ничего, что он сухой...

Застелив дно ящика жесткой прошлогодней полынью, она помолчала. Измятая детскими руками полынь слабо пахла горечью.

— Кладите в ящик все косточки,— сказала Мария,— ничего не оставляйте.

Пока старшие девочки, роясь в пепле, отыскивали и укладывали в ящик побелевшие, ломкие кости, а сверху положили три черепа — большие по краям ящика, а маленький в середине, окруженная малышами Мария смотрела на них, ничего не видя.

Девочки опустили крышку ящика, закрыли его железной защелкой.

— Ну, что ж, пойдемте,— сказала Мария.

Она пошла впереди. Девочки несли за ней ящик с останками казненных. Сзади, серьезные, подавленные, шли, держась за руки, малыши.

Могилу Мария копала сама. Место выбрала рядом с могилами отца и матери. Молча выбрасывала тяжелой лопатой влажную землю из ямы. Парующая земля пахла весной. На голых кладбищенских тополях деловито хлопотали грачи. На солнечном пригреве у подножия могильных холмиков смутно зеленели первые травинки, пробившие нежными стрелками бурый, поникший старник.

Когда снарядный ящик опустили в могилу и по его деревянной крышке глухо, утробно застучали комья земли, Мария вытерла пот на лбу, посмотрела на детей.

— Сколько мне довелось тут людей схоронить,— сказала она,— и всех было жалко... Теперь вот своих хороню, а сердце мое стало как мертвый камень, потому что, деточки, сил у меня уже нет и выплакала я все слезы...

Дома, лежа в темноте погреба, сухими, воспаленными глазами глядя в потолок, Мария ощутила в себе сильные, требовательные толчки его, нерожденного. Толчки она чувствовала и раньше, но тогда они были слабыми, еле заметными, а теперь он властно требовал своего места под солнцем. Не ведая ни страха смерти, ни болезней, ни горечи утрат, ни любви, ни ненависти, он уже был готов подойти к истокам своей полной страданий и счастья дороги и, подчиняясь зовущей его силе жизни, толкал теплое и темное материнское чрево локотками, коленками, головой...

Прошел еще месяц. Все сильнее пригревало солнце. Апрельские дожди омыли землю, игривыми ручьями просверкали по речным водомоинам, стала выходить из берегов, помутнела малая речушка у хутора, и поплыли по ней клочья затвердевшей от крови ваты, грязные бинты, щепки — все, что скопилось на пологих ее берегах в минувшую осень. Зазеленело речное займище. Сочный пырей, лебеда и вездесущая ширица взошли на брустверах пустых окопов, на глинистой кромке ходов сообщения, окружили бетонные колпаки дотов и низкие земляные крыши покинутых людьми блиндажей. Даже мертвое хуторское пожарище, покоряясь весне, изменилось: теплые западные ветры и тихие дожди снесли с печных труб, с повалившихся стен черную сажу, она стекла вниз, просочилась в землю, и всюду светло-зелеными стрелками стали выклевываться ростки молодых трав.

Вместе с детьми Мария сняла с пчелиных ульев зимнее укрытие, осмотрела все ульи, очистила их от мертвых пчел, от натертой молью восковой трухи, открыла пошире летки и долго стояла на пасеке в глубокой задумчивости, слушая веселое жужжание совершавших облет пчел. Ходить ей было все труднее. Приближались роды, и она, немного стыдясь детей, прятала под шинелью обвисший тяжелый живот.

Первые схватки начались у нее на рассвете. Сутулясь от боли в пояснице, в бедрах, еле передвигая непослушные ноги, Мария затопила печурку, поставила греть воду, чисто вымыла алюминиевый походный термос, на твердом камне наточила немецкий тесак.

После восхода солнца она разбудила детей, проговорила слабым голосом:

— Выйдите, деточки, погуляйте, голубей посмотрите, курочек. Выйдите, прошу вас, и не заходите... Я потом всех позову...

Дети вышли из погреба. Люк оставили открытым. Желто-розовый солнечный луч заиграл на земляной стене. Лежа на полу, корчась от боли, Мария услышала заливистый свист прилетевших недавно скворцов, далекое гоготанье гусиных стай...

Зубами она разорвала горячий плодный пузырь. Подумала: «В сорочке родился, счастливым будет». Прочной суровой ниткой туго перевязала пуповину новорожденного и отсекла ее остаток острым тесаком.

Младенец тоненько, слабо заплакал.

— Ну, здравствуй, сыночек... Здравствуй, Васенька, кровиночка моя,— в изнеможении прошептала Мария.

ИЗ НА

Александр ОЙСЛЕНДЕР

ЕЩЕ ДАЛЕКО ДО МОРОЗОВ

Еще далеко до морозов,
Листва зеленеет еще,
Но глуше
Гудки паровозов,
И солнце
Не так горячо.
И краски не так уже щедро
Роняет московский закат,
И в чуткой мелодии ветра
Не те уже нотки звучат.
Дни стали скупее и строже,
Темней и грустней вечера,
И все это вместе похоже
На русскую осень.
С утра,
Быстрей, чем вязальные спицы,

Она слегка приподнялась, опустила только что рожденного сына в походный термос с теплой водой, омыла его розовое тельце, обернула чисто выстиранной солдатской портянкой, прижала к себе и затихла...

Теперь, когда рядом с Марией лежал ребенок и она, бережно охватив его рукой, вслушивалась, как он тихо и ровно дышит, она почувствовала, что в этом тихом, младенческом дыхании рожденного ею человека заключается вся ее жизнь, все помыслы и надежды, все, что есть у нее на испепеленной, искромсанной, изуродованной войной земле. Головка сына с мягким, еще не просохшим белесым пушком на пульсирующем темени лежала у Марии под мышкой, и она, скосив глаза, смотрела и не могла насмотреться на влажные полуоткрытые губы ребенка, на его розовые, беззубые десны, на почти неприметные пузырьки слюны, которые вздымались и исчезали у его рта, повторяя мерное, спокойное дыхание.

Сын спал. В открытом люке погреба голубело чистое весеннее небо. До слуха Марии доносились приглушенные голоса детей. Дети говорили шепотом, чтобы не потревожить Марию, и она, не слыша их слов, зная, что они, сбившись в стайку под яблоней, говорят о том таинственном и торжественном, что только что произошло в темноте погреба, хотела подняться, позвать всех семерых, обнять их, прижать к груди, прикрыть своим телом, чтобы ничто на свете не смело отнять их у нее и не угрожало им... В это мгновение обессилевшей, ослабевшей после родовых мук Марии показалось, что она родила их всех, беззащитных, рассеянных войной по неприютным, угрюмым полям малых людей, от которых она, родившая их мать, должна отвести смерть...

Ее одолевала дремота. Слабой рукой она гладила пушистую голову сына, всхлипывала. Ей почудилось, что в свисте пуль и грохоте снарядов, в разгуле убийств, жестокости, крови она родила не только сына и тех семерых: мальчика и девочек, которые стояли там, наверху, под яблоней, но, содрогаясь от мучительной боли и счастья, родила всех детей истерзанной земли, требующих от нее, матери, защиты и ласки.

— Вы будете жить,— в изнеможении шептала Мария,— вы все будете жить...

Ни смерть, ни огонь, ни раны изуродованной войной земли не могли остановить жизнь... В конце апреля возле погреба, в котором Мария прожила всю осень и зиму, неожиданно зацвела обожженная пожаром яблоня. На ней еще не было зеленых листьев, только робко распускались редкие почки, еще чернели оголенные, тронутые пламенем полумертвые ветки, а уже белые, с красноватой сердцевиной лепестки цветов засияли нежно и трепетно, красуясь на утренней заре.

— Жалкие вы мои! — растроганно проговорила Мария, любуясь яблоней.— Гляди ты, живы остались!

Она стояла под яблоней, дожидаясь детей. Перед восходом солнца дети погнали на водопой скотину, а Мария забеспокоилась, почему так долго их нет. Вдруг она увидела выехавших из леса трех всадников. Самые маленькие дети сидели у них на руках, а старшие девочки вприпрыжку бежали рядом, радостно вскрикивая. Мария присмотрелась. На защитных гимнастерках всадников сверкали боевые советские ордена. Это были разведчики гвардейского кавалерийского полка, который прорвался в тыл отступавших немецких войск.

Если бы один из всадников, увидев бледнеющее лицо Марии, поспешно не соскочил с коня и не поддержал ее, она упала бы, теряя сознание.

Очнувшись, Мария рассказала разведчикам все, что довелось ей пережить на безлюдном хуторском пепелище. Они постояли перед прибитой на цветущей яблоне, простреленной пулями вывеской, потом, провожаемые детьми, шагом объезжали убранные Марией поля, постояли, сняв фуражки, у свежей могилы на кладбище.

В тот же день обо всем, что разведчики увидели, они подробно доложили командиру полка.

* * *

Только что отгремела первая весенняя гроза. Деревья в негустом дубовом перелеске, зеленое займище, серо-голубые кусты молодой полыни по обочинам проселочной дороги сверкали радужными дождевыми каплями, и все вокруг сияло, переливалось, пахло свежо и молодо, как всегда бывает после буйной майской грозы.

Наш гвардейский кавалерийский полк двигался по залитой лужами дороге, чтобы к ночи обойти районный центр Н. и внезапной атакой обрушиться на засевших там, по-волчьи огрызавшихся немецких егерей.

Командир полка, пожилой майор, ехал впереди первого эскадрона рядом с тремя разведчиками, которые успели побывать на пепелище сожженного хутора и рассказали нам всем о Марии.

Ее мы увидели, как только стали переезжать заросшую невысоким камышом речку. Она стояла на покатом холме с младенцем на руках, босая, с распущенными волосами. Вокруг нее сгрудились дети, коровы, овцы, куры. Заметив нас, звонко заржали рыжие кони. Вверху носились белокрылые голуби.

Подъехав к Марии, командир полка остановил эскадрон, сошел с коня. Слегка прихрамывая, он подошел к ней, пристально посмотрел в глаза, снял фуражку и, марая жидкой грязью полы щегольского плаща, опустился перед Марией на колени и молча прижался щекой к ее безвольно опущенной маленькой жесткой руке...

. . . .

Солнце поднялось выше. Густые кроны деревьев в старом парке, зеленая трава на полянах и цветы на клумбах после теплого ночного дождя пахли свежо и молодо. Хлопотали, охорашивались в кустах серые и черные дрозды. По усыпанной желтым песком аллее, чинно держась за руки, прошли мальчик и девочка. Красивая женщина в белом платье неторопливо катила детскую коляску. Внизу, у подножия холма, сверкали крыши древнего города.

Раскрашенная мадонна в каменной нише немыслимо синими глазами смотрела на детей, на птиц, на купола соборов, костелов и монастырей. Тени слегка колеблемых утренним ветром кленовых листьев причудливо играли на ее лице, но эта игра теней не оживляла ни румяных щек мадонны, ни мягко очерченных губ, ни кукольных глаз.

Я всматривался в ее размалеванное лицо, вспоминал историю простой русской женщины Марии и думал: «Таких, как Мария, у нас на земле великое множество, и — придет время — люди воздадут им должное...»

Да, такое время придет. Исчезнут на земле войны, не будет убийств, грабежей, лжи, коварства, клеветы. Белые, черные и желтые люди станут людьми-братьями. Они не будут знать ни угнетения, ни голода, ни унижающей человека нищеты. Они обретут радость, счастье и мир.

Так будет. И, может, тогда не выдуманной художниками мадонне воздвигнут благодарные люди самый прекрасный, самый величественный монумент, а ей — женщине — труженице земли. Соберут белые, черные и желтые люди-братья все золото мира, все драгоценные камни, все дары морей, океанов и недр земли, и, сотворенный гением новых, неведомых творцов, засияет над землей образ матери человеческой, нашей нетленной веры, нашей надежды, вечной нашей любви...

Мелькают косые струи,
До блеска умыв черепицы,
Налив до краев колеи.
И пригород, вымокший сразу,
Нахохлясь, глядит, как вдали
На энскую авиабазу
Стальные летят журавли.
Даря по возможности просинь,
Но чаще
Туман поутру,
Торопится зябкая осень
Деревья зажечь на ветру.

Как повесть в издании новом,
Читаю ее без конца.
Она в переплете багровом
И листья метет у крыльца.
И в дни эти
С песней веселой,
Собравшись в пятнадцать минут,
Мой младший торопится в школу,
А старший спешит в институт.
Завидный румянец здоровья
Играет у них на щеках —
И мир, завоеванный кровью,
В своих они держат руках.

* * *

Я — горожанин запыленный,
И даже старая сосна
Порой мне кажется колонной,
Которой высь укреплена.

Смотрю в окно, где две березы,
Как две свечи, всю ночь горят.
Вздыхают где-то паровозы.
О чем-то звезды говорят.

Все сладко спит, но не молчанье
Я слышу полночью земли,
А еле слышное звучанье
Какой-то музыки вдали.

Вверху, где птицы гнезда лепят,
И на земле, где корни спят,
Таится этот смутный лепет,
Как будто чашами кипят
Дубы могучие. Как странно
Слыхать такую тишину,
Когда вокруг воюют страны
И корабли идут ко дну!

* * *

Нет, не ботвиньей или резедой,
А действующим стать хочу заводом
С трубой кирпичной и громоотводом,
Чтоб, если уж дружить — так с небосводом,
А равным быть — так пажитям и водам,
А сытым быть — так черною рудой.
Нет, не хочу, оставшись безымянным,
Стать просто пылью с пеплом пополам,
Качающимся где-нибудь бурьяном,
Подножным кормом чьим-нибудь волам,—
А стать хочу тугими проводами,
Чтоб кровь моя, вся суть моя — позволь
Договорить — струилась над садами
Всем напряженьем выстраданных вольт.
Во что бы то ни стало, но хочу
Существовать, всю жизнь благоговея,
Гасить твоим дыханием свечу
И славить солнце музыкой твоею.
Незримым быть, но рядом быть с тобой,
Как ты, любить, как ты, возненавидеть,
Когда над миром грянет новый бой.
Все позабыть — и снова мир увидеть!

Я — СЕТУ

— Здравствуйте, товарищи, я буду вашим экскурсоводом по моей маленькой стране. Вообще-то я преподаватель математики, но в свободное время с удовольствием вожу экскурсии — и потому, что меня просят об этом мои друзья из Печорского краеведческого музея, и потому, что это нравится мне самой. Зовут меня Вера Степановна Кыолехт, по национальности я сету.

У нас в Сетумаа говорят: на то и калитка в заборе, чтобы люди входили. Сейчас мы войдем в дом к Ляттемяги и попросим хозяйку Александру Максимовну показать нам сетуский наряд. Пока она будет переодеваться, я расскажу вам о Сетумаа.

Прежде всего определимся географически. Пусть вам не кажется, будто сету обитают в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. Мы живем частично в Эстонии, частично в Псковской области. Земля наша невелика: около пятидесяти километров вдоль и примерно столько же поперек. В эту вот минуту мы находимся в деревне Ко́шельки... Александра Максимовна, пригласите, пожалуйста, своих подруг, пусть и они тоже придут сюда в нашей национальной одежде.

Труден был путь сету в здешние края. Когда это было? Много веков назад, во время великого переселения народов. Долго скрипели повозки, ревел измученный скот, постоянно звенели мечи, и дети рождались у ночных костров. Так в поисках мирной жизни и пашни, которую можно пахать спокойно, не опасаясь вражеских набегов, передвигались усталые племена. Наконец часть угро-финнов осела на побережье Балтики, а одна ветвь — маленькое племя сету — продвинулась сюда, поближе к Чудскому озеру. Может быть, невысокие холмы и близость большого озера им понравились. А может быть, показались надежной защитой соседние славянские поселения, где люди были доброжелательны и щедры. Сету остались здесь, вот на этих землях, что мы видим с холма. Вокруг жили другие племена и народы, малые и большие. С одними роднил сету общий язык, у других нравились обычаи и одежда. Обитая между русскими и эстонцами, сету перемешали в своем укладе обычаи тех и других настолько тесно, что некоторые историки и этнографы называли нас «псковскими эстонцами». Перенимая у иных народов то одно, то другое, сету все же превыше всего ценили свое собственное — древнее, исконное. Ныне, когда минуло много столетий и пережито много испытаний, можно сказать: и теперь, как и всегда, главные черты характера сету — трудолюбие, дружелюбие и верность.

От эстонцев нам досталась привязанность к земле и умение ее обрабатывать, мелодичный язык и любовь к песне. Но когда эстонцы стали расселяться по хуторам, сету сразу отвергли это стремление обособиться и остались жить в своих маленьких зеленых деревушках — в дружбе с родственниками и соседями. И во всех этих деревенских хозяйство устраивается точно так же, как здесь, у Ляттемяги. Небольшой приусадебный участок, крепкий дом, хороший скотный двор, амбар и непременно внутренний дворик, похожий скорее на еще одну комнату—обжитую и удобную — под открытым небом. Строгий порядок этот совершенно естественно, без всякой ломки вошел в колхозный строй. По добрым отношениям людей, по тесной дружбе соседских дворов, вплотную примыкающих друг к другу, всегда отличишь сетускую деревню.

С 1920 по 1940 год — во время буржуазно-националистической диктатуры — сету в Эстонии считались людьми второго сорта: эстонским буржуа тоже хотелось иметь свое нацменьшинство, а нас, как ни говори, было целых 15 тысяч! Пресса корила сету за приверженность к некоторым русским обычаям в быту и за «нелюбовь к культуре и знаниям»... Но откуда же было взяться этой любви, если школ в Сетумаа не строили с царского времени, а надо сказать, что и при царе строили их совсем мало. Теперь, в годы Советской власти, когда у нас появилось вдоволь хороших школ, все наши дети учатся. И выяснилось, что сету не только любят знания, но и обладают немалыми способностями. Ныне у нас в колхозах работают свои агрономы и зоотехники, в школах преподают свои учителя, в больницах лечат свои врачи. Ученые сету преподают в институтах Таллина и Тарту... Нам все эти разговоры о людях второго сорта, естественно, кажутся теперь дикостью и глупостью, а вот родителям нашим пришлось в те годы нелегко. И материально жилось им неважно: большинству сету приходилось летом батрачить в кулацких хозяйствах соседней Ряпинаской волости. В войну гитлеровцы жгли наши деревни, народ прятался в лесах. А когда пришла победа, мы заново отстроили свои дома на усыпанных головешками улицах. Сейчас у нас хорошие колхозы, мы получаем неплохие урожаи. Сельское население не уменьшается: нынче в наших деревнях опять живет 15 тысяч человек, а если посчитать тех, кто работает в городах, сету наберется всего тысяч 17.

А теперь, пожалуйста, познакомьтесь: Александра Максимовна привела своих подруг: Анастасия Веревмяги, Ефимия Лепик, Александра Силла и Пелагея Пииритало. Обратите внимание на их наряд — в нем сочетаются элементы и русской и эстонской народной одежды. А такие старинные серебряные украшения, как ожерелья из монет и бубенчиков и огромные, во всю грудь, фибулы, вы увидите только у сету.

Песни вы услышите тоже традиционные: сначала женщины исполнят импровизированное приветствие, потом споют о нашей земле, полях и фермах, о том, как довольны родители, что дети их могут учиться где только захотят. А под конец вам пропоют пожелание счастья и всяческих благ. Представляете, сколько песен у нашего народа, если они рождаются каждый день? Наши фольклористы записали 70 тысяч песен у одной только сказительницы Марии Кютт. Много сложили и Мику Оде, и Анне Вабарна, и Ефимия Маст. Послушайте-ка: сейчас поется песня-приглашение. Нечего делать, придется вам и вашим друзьям еще раз приехать к нам.

Вас, верно, интересует, что же дальше будет с нашим народом, удастся ли сету сохранить свои традиции здесь, в самом центре Европы, в самой гуще современности. Конечно, многие старинные обычаи уходят. В новой жизни с ее школами, книгами, дальними дорогами так много привлекательного, что ненужная старина отступает сама собой. Неудобно работать на тракторе в длинном национальном костюме, и неудобно, скажем, мне надевать его на уроки в класс. Но старинный наряд по-прежнему украшает нас на праздниках, по-прежнему наши женщины слагают песни о своих сегодняшних делах, а этнографы и фольклористы любовно изучают нашу историю и жизненный уклад, собирают песни, записывают старые обычаи.

Приезжайте к нам, не забывайте, что говорят в Сетумаа: калитки в наших заборах существуют для того, чтобы к нам приходили люди.

Рассказ экскурсовода Веры Кыолехт записала корреспондент «Огонька» Н. Храброва.

Вера Кыолехт ведет экскурсию.

Бабушке Анне Ярвеотс пошел восьмидесятый год.

Колхозница Мария Пяхнапуу.

Женщины-колхозницы сету в праздничных костюмах.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Усадьба сету.

Экскурсия в старинном Печерском монастыре.

Молодая колхозница Аля Сильд.

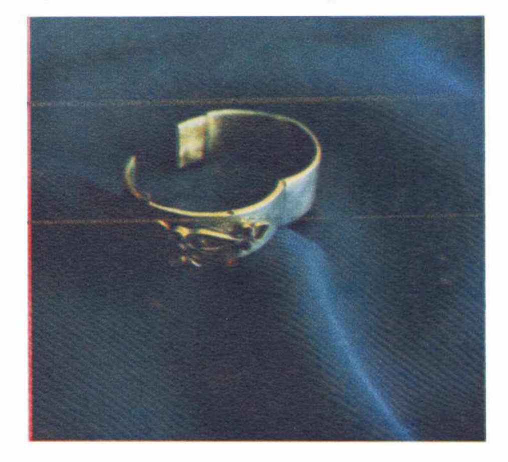

Национальные нагрудные украшения из серебра с позолотой и мелкими цветными камнями.

Мальчишек сету не отличить от эстонцев или псковитян. И, конечно, все они спортсмены.

◀ Праздничный головной убор с лентами.

К 25-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛГРАДА ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

УДАРАМИ С ВОЗДУХА...

Белград, 18 октября 1944 г. В. А. Судец (слева) на КП 17-й воздушной армии. Справа — командир 136-й штурмовой авиадивизии полковник Н. П. Терехов.

В. СУДЕЦ,
Маршал авиации
Герой Советского Союза,
Народный Герой Югославии

Осенью 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в Ясско-Кишиневской операции разгромили крупнейшую гитлеровскую группу армий «Южная Украина». Преследуя противника, войска 2-го Украинского фронта в начале сентября вышли на левобережье Дуная к румыно-югославской границе. 8 сентября войска 3-го Украинского фронта вступили на территорию Болгарии. В ночь на 9 сентября в результате всенародного восстания, руководимого Болгарской рабочей партией (коммунистов), было свергнуто монархо-фашистское правительство и образовано правительство Отечественного фронта. Болгария выступила против Германии на стороне антигитлеровской коалиции.

Создались благоприятные условия для оказания помощи народам Югославии в освобождении от гитлеровских оккупантов. Боевые действия двух наших фронтов координировал представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Вопрос о военных действиях советских войск в Югославии был решен во второй половине сентября в Москве, куда прилетел для переговоров с Советским правительством Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии маршал Иосип Броз Тито. В ходе переговоров решением Государственного Комитета Обороны СССР народной Югославии передавалось вооружение и снаряжение для двенадцати стрелковых, двух авиационных дивизий и танкового соединения. В войска НОАЮ была направлена большая группа советских офицеров в качестве инструкторов. В начале октября в румынском городе Крайова с маршалом Тито встретились начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов и правительственная делегация Болгарии для согласования плана совместных действий в Белградской операции советских войск, НОАЮ и болгарской армии.

В то время я командовал 17-й воздушной армией 3-го Украинского фронта. Армия имела 1 300 боевых самолетов и опытный летный состав. По директиве Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина армия перебазировалась в район Софии до прихода туда наших сухопутных войск. Наши летчики наносили штурмовые и бомбардировочные удары по войскам и боевой технике фашистской группы армий «Е» генерала Лёра — гитлеровцы по шоссейным и железным дорогам отходили из Греции, южной части Югославии и Албании к Белграду. Авиация разрушала мосты, наносила массированные удары по войскам и технике противника на коммуникациях и по судам в греческом порту Салоники, а также прикрывала Софию от ударов с воздуха.

Запомнился мне день 14 сентября. На командный пункт воздушной армии в Софию прибыли представители 13-го армейского корпуса НОАЮ, действовавшего в районе городов Ниш и Пирот. Встреча была дружеской, братской, разговор откровенным. НОАЮ и партизаны к тому времени освободили большую часть территории своей родины. Но противник, обладая огромным превосходством в тяжелом вооружении, удерживал в своих руках главные города и основные коммуникации страны. Югославские товарищи рассказали, что находятся в тяжелом положении. Им не хватает оружия, боеприпасов, нет нужных средств для борьбы с артиллерией и танками. Мы договорились, что наша авиация поможет югославским товарищам и будет наносить удары по железнодорожным магистралям и станциям, мостам, шоссейным дорогам и крупным скоплениям войск фашистов. А части НОАЮ будут вести боевые действия по этим же целям главным образом ночью. И еще я попросил увести жителей из населенных пунктов в горы, чтобы они не пострадали от ударов с воздуха.

Так впервые было установлено боевое взаимодействие авиации 3-го Украинского фронта с борющимися патриотами Югославии. А вскоре развернулись непредвиденные события. Во время всенародного восстания в Софии гитлеровским дипломатам удалось укрыться в одной из нейтральных дипломатических миссий. В ночь на 18 сентября с помощью местных предателей они, прихватив часть золотого запаса Болгарии, ценные архивы и некоторых министров бывшего монархо-фашистского правительства, бежали в двух железнодорожных составах в направлении греческой и турецкой границ. Это стало известно Ставке, и командующий фронтом маршал Ф. И. Толбухин передал мне указание Верховного Главнокомандующего — любыми средствами задержать эти поезда и захватить бежавших.

В Софию к тому времени прибыл начальник штаба фронта генерал Бирюзов. Мы сообщили об указании Ставки премьер-министру Болгарии и Главкому болгарской армии. Выяснили, что эшелоны находятся в районе Свиленграда. Болгарских и советских войск там не было. Нашим самолетам лететь до Свиленграда часа полтора, а поездом до турецкой границы 2 часа хода. Между тем день уже на исходе. Обстановка сложная, и нельзя терять ни минуты.

В воздух были подняты истребители сопровождения и несколько бомбардировщиков с десантом — группа техников и младших специалистов во главе с инженером авиационного полка Гурьевым, а также офицер и солдаты из подразделения охраны генерала Бирюзова. Возглавил десант заместитель командира 449-го бомбардировочного полка капитан Н. Козлов.

Дальше события развивались, как в приключенческом кинофильме. Наши летчики обнаружили поезда у станции Малево. На площадку возле станции приземлился самолет «ЛИ-2», высланный маршалом Толбухиным с группой автоматчиков под командованием заместителя начальника штаба воздушной армии подполковника Быстрова и офицера фронтовой контрразведки Котелкова. Бомбардировщики тоже приземлились возле поездов и высадили десант. Воздушные стрелки навели на вагоны крупнокалиберные пулеметы. Фашисты сдались без боя. Однако их главари, заметив в воздухе советские самолеты, успели удрать к границе на автомашинах. На дороге их перехватили наши истребители и пушечным огнем заставили остановиться. Высланная погоня задержала фашистов. Так была выполнена эта необычная для боевой авиации операция.

А война шла своим чередом. К концу сентября войска 3-го Украинского фронта вступили на многострадальную югославскую землю. Нелегко пришлось нашим воинам вести наступление в Восточно-Сербских горах. Они поросли непроходимым дубняком и буком. Узкие горные дороги и тропы круто поднимались к скалистым вершинам и оттуда почти отвесно падали в глубокие ущелья к бурным потокам. Все это облегчало немцам оборону. Прокладывая путь танкам и пехоте, наши штурмовики и истребители «ползали» между горами, уничтожая живую силу и технику врага.

Наступление развивалось успешно. Совместными усилиями 57-й армии, 4-го гвардейского механизированного корпуса и частей 14-го корпуса НОАЮ при активной поддержке авиации были освобождены от оккупантов города Неготин, Заечар и Бор. Наступающие войска вышли в долину реки В. Моравы. Здесь пролегает главная железнодорожная магистраль, связывающая Центральную Европу с Балканами, и шоссейная дорога Белград — Ниш. Для гитлеровцев они имели особенно важное значение: почти все другие пути их отхода на север были уже закрыты.

Авиаторы действовали днем и ночью в сложных метеоусловиях. Отступающие к Белграду войска немцев перемешались с нашими войсками и частями НОАЮ. Чтобы в этой обстановке не поразить своих, мы установили строгий порядок ведения боевых действий. Перед тем, как нанести удар, летчики уточняли границы района, занимаемого противником, и по радио запрашивали разрешение на атаку от офицера своего соединения, находившегося в наземных войсках. Получив разрешение, летчик пролетал над противником и разбирался в обстановке на земле. Лишь на втором заходе он имел право бомбить и стрелять из пушек.

В Белградской операции, конечно, не все шло гладко, не все развивалось «согласно планам командования». 4-й гвардейский механизированный корпус генерала В. И. Жданова с частью сил 68-го стрелкового корпуса генерала Н. Н. Шкодуновича и войсками НОАЮ прорвались к Белграду и разрезали немецкую группу армий «Ф» на две части. 14 октября они завязали уличные бои в городе. 75-й и 64-й стрелковые корпуса 57-й армии генерала Н. А. Гагена, наступая на флангах ударной группировки, находились в 60—100 километрах к востоку и югу от нее. Крупные же силы немецко-фашистских войск, отходя к Белграду, оказались между 4-м мехкорпусом и 57-й армией. Таким образом, механизированный корпус был отрезан от главных сил фронта. Да и в самом Белграде гарнизон противника также не уступал силам корпуса, занимая мощную оборону, опиравшуюся тылом и флангами на Дунай и Саву. В это же время с юга, из Греции и Македонии через Ниш, к Белграду прорывались

войска группы армий «Е». С ними вели боевые действия войска 13-го корпуса НОАЮ, 2-й болгарской армии, 64-го корпуса и 1-го гвардейского укрепрайона 57-й армии, 3-го Украинского фронта. Эта группировка обеспечивала с юга, при поддержке авиасоединений полковника Смирнова, генерала Белицкого и болгарской авиации, действия главной группировки фронта, наступавшей на Белград. Создалась серьезная угроза войскам 4-го мехкорпуса и НОАЮ. Нужно было не допустить одновременный прорыв к Белграду крупных группировок врага и разгромить их последовательно. Обстановка осложнилась еще и тем, что была нарушена связь штаба фронта со штабами генералов Жданова и Гагена. Маршал Толбухин прибыл в Видин на командный пункт 17-й воздушной армии и связался по радио со штабом мехкорпуса. Жданов просил усилить авиационную поддержку: пехоты мало, вся она связана боями за город и обороняет подходы к столице с юга у горы Авала и с востока. Толбухин приказал мне сосредоточить удары с воздуха по войскам противника, оказавшимся в тылу 4-го корпуса и 1-й армейской группы НОАЮ на подступах к Белграду.

— Владимир Александрович,— сказал маршал,— хорошо бы вам самому добраться к генералу Гагену, а от него и до Белграда, чтобы на месте организовать взаимодействие авиации с войсками Жданова и НОАЮ.

Погода в те дни была отвратительной. Низкие, словно набухшие облака, проливной дождь, никакой видимости. По двум горным дорогам шли не только наши войска, но и отходили разгромленные в излучине Дуная немецкие соединения. Аэродромно-техническим частям воздушной армии, готовящим аэродромы для перебазирования у реки В. Морава, приходилось по нескольку раз в сутки отражать атаки фашистов.

Ночью под проливным дождем с отрядом автоматчиков на автомашинах я выехал к генералу Гагену. На забитых войсками дорогах Восточно-Сербских гор то и дело вспыхивали короткие ожесточенные перестрелки. К рассвету я добрался до КП 57-й армии. Генерал Гаген был также встревожен создавшейся обстановкой и просил усилить авиационную поддержку и разведку. Я попросил Гагена помочь нашим частям готовить аэродромы в районе Петроваца и сказал, что в соответствии с указанием Толбухина авиация усилит удары по врагу. На следующий день, оказывая помощь войскам генералов Гагена и Жданова, авиакорпус генерала Толстикова и дивизии полковников Витрука, Кудряшева и другие авиасоединения сосредоточили свои боевые действия по крупным группировкам немцев у Смедерева, Крагуеваца и на подступах к Белграду.

Первая задача, поставленная командующим фронтом, была выполнена. Теперь в Белград! По радио связываюсь с представителями воздушной армии в механизированном корпусе. Уточняю обстановку и спрашиваю, где можно сесть на «По-2». Отвечают: посадочных площадок вблизи Белграда нет, везде крутые холмы, леса и сады. На левом берегу Савы в Земуне, в нескольких километрах от Белграда, базируются фашистские истребители. Садиться можно только на шоссе у южной окраины города.

Перспектива не из приятных: лететь на «По-2» сто пятьдесят километров над территорией, большая часть которой занята противником. Лучше бы совершить такой полет ночью, но посадочных площадок нет. Сообщаю время прилета, прошу проследить, чтобы хоть небольшой кусок шоссе был свободен. Прощаюсь с Гагеном. «Ни пуха ни пера»,— напутствует меня генерал. Берем с собой автоматы, ручные гранаты и с сопровождающим меня офицером штаба воздушной армии вылетаем на двух «По-2». Самолет пилотирую сам, летчик — на втором сиденье, у пулемета. Лечу бреющим. Обхожу населенные пункты, дороги, рассчитываю, что на фоне местности противник меня не обнаружит. И верно, несколько раз встречали истребителей, они шли значительно выше и не заметили нас. Через полтора часа добрались до Белграда. Над городом патрулировали «мессершмитты». «Следи за воздухом»,— говорю летчику, а сам ищу, где бы приземлиться.

Шоссе, где должны нас встречать, забито войсками. Кругом ни одного ровного клочка земли — все холмы с густыми садами и лесами. Вдруг летчик толкает меня в плечо и показывает вниз. В пяти метрах под самолетом окопы, в них немецкие солдаты ведут огонь из автоматов. На правой плоскости вижу пулевые пробоины. Резко разворачиваю самолет на восток, в сторону шоссе. Видимо, мне не точно сообщили о переднем крае наших войск или изменилась обстановка. «Хватит,— думаю,— искать площадку. Сяду у шоссе, даже если подломаю машину». К счастью, в километре от шоссе на крутом склоне холма, среди садов нашлась прогалинка метров тридцать длиной. Выключаю мотор, донельзя задираю нос самолета и, парашютируя, мягко приземляюсь. А где второй наш самолет? Я его потерял из виду на развороте. Осматриваюсь и вижу «По-2» — он километрах в трех от нас. Стоит на носу, словно свеча.

Фото Е. ХАЛДЕЯ.

Белград. Октябрь 1944 года.

С холмов из-за деревьев бегут к нам вооруженные люди. На немцев не похожи. Говорю летчику, чтобы на всякий случай изготовился у пулемета, а сам иду навстречу. Это югославские партизаны. Одеты бедно, вооружены кто чем. Даже охотничьими ружьями и ножами. Обнимают меня, что-то говорят, а старик с ружьем гладит красную звезду на фюзеляже самолета и целует ее.

По окутанным дымом пожаров улицам Белграда с помощью наших артиллеристов я добрался до штаба механизированного корпуса, расположившегося в двух кварталах от переднего края наших войск, в здании госпитального городка.

— Наконец-то явился долгожданный,— обрадовались генералы Жданов, Неделин и югославский генерал Пеко Дапчевич.

— Авиация нам нужна во как! — говорит Жданов, энергично проведя ладонью по горлу.

Мы быстро уточнили обстановку и решили вопросы взаимодействия. Так была выполнена и другая задача, поставленная мне командующим фронтом.

Вскоре выяснилась и судьба экипажа второго самолета «По-2». Летчикам повезло, они укрылись в кустах и к ночи добрались к своим на гору Авала...

Успех штурма и разгром противника в Белграде решали быстрота и внезапность. В целом штурм города проходил успешно. К 19 октября в ходе жестоких боев большая его часть была освобождена. Теперь уличные бои шли в районе крепости Калемегдан и единственного уцелевшего моста через реку Саву. Немцы упорно оборонялись на левом берегу Савы и удерживали пригород Земун с аэродромом. Мост фашисты обороняли изо всех сил, используя его для подброски резервов в Белград и снабжения боеприпасами сражающихся в городе войск.

Нам нужно было во что бы то ни стало овладеть этим мостом, чтобы ускорить победу. Неоднократные атаки нашей пехоты, танков и частей НОАЮ успеха не имели. Шквальный пулеметный и артиллерийский огонь противника на подступах к мосту с левого берега сметал все живое.

С крыши высокого здания детской клиники, где находился КП корпуса и передовой КП воздушной армии, был виден весь город, раскинувшийся на холмах, и мост через Саву. Немцы находились всего в двух-трех кварталах от нас. Пули их снайперов посвистывали вокруг, возле здания рвались снаряды. С Неделиным, Ждановым и командующим 1-й армейской группой НОАЮ генералом П. Дапчевичем мы обсуждали план захвата моста, чтобы не дать врагу уничтожить его: мост нужен и нашим войскам, ведь форсировать Саву нам все равно придется.

— А если заставить замолчать огневые точки и артиллерию противника,— спросил я,— сумеете захватить мост?

— Конечно,— ответил Жданов.

— Хорошо,— говорю,— вызовем штурмовиков с истребителями, они гитлеровцев к земле прижмут, головы не поднимут. И артиллерия будет молчать. За полчаса управитесь?

— Да!

На этом и порешили. На другой день с рассветом были подняты в воздух штурмовики полковника Иванова и истребители подполковника Шатилина. В течение получаса они атаковывали позиции полевой и зенитной артиллерии, минометов и средств ПВО в районе реки Савы и Земуна. С командного пункта было видно, как позиции противника затянуло дымом и пылью. Одновременно артиллерия Неделина и Жданова подавляла огневые точки врага на подступах к мосту. Танки и мотопехота 13-й гвардейской механизированной бригады и подразделения 814-го и 211-го стрелковых полков прорвались к мосту, стремительно проскочили через него и прочно овладели предмостным плацдармом на левом берегу Савы. Вслед за советскими войсками устремились и войска НОАЮ. Саперы в это время разминировали мост. Артиллерия врага молчала. Ни одного выстрела!

Одним из первых с группой солдат на мост ворвался майор Н. К. Ткаченко, заместитель по политической части 211-го стрелкового полка 73-й гвардейской стрелковой дивизии.

По радио я предупредил летчиков, чтобы экономили снаряды, так как работать придется не менее получаса. Через полчаса боевой работы летчики докладывают по радио: «Боеприпасы кончились, разрешите уходить на аэродром?» Между тем по мосту еще двигаются части НОАЮ. Я командую: «Продолжать выполнять боевую задачу!» И штурмовики продолжают атаку, но теперь уже, так сказать, психическую — стрелять было нечем. Однако и психической атаки оказалось достаточно: полчаса штурмовки и мощного артиллерийского огня деморализовали гитлеровцев, нанесли им тяжкие потери. Мост был успешно захвачен и спасен. Белградская группировка врага оказалась отрезанной в северной части города и с жестокими боями удерживала только крепость Калемегдан и несколько опорных пунктов.

...Недавно я получил письмо с хутора Новая Серебряковка, из-под Ростова, от участника штурма этого моста гвардии сержанта запаса Федора Григорьевича Трофименко. Он пишет: «...ночью нашу часть подвели к реке. Заняли оборону. Моему отделению припала позиция рядом с самым мостом. С рассветом мы перелезли через фермы моста, спустились вниз — три человека. Потом станковый пулемет и остальные пять солдат... Подаю команду: «Огонь по фашистам, за мной, ура!» И в ту же минуту налетели наши «Илы» и стали нам помогать пушечным огнем. Самолеты помогли нашей пехоте и танкам взять мост...»

С 16 по 21 октября ожесточенные бои шли на подступах к Белграду. Войска Смедеревской и Крагуевацкой группировок врага вырвались к окраинам столицы. Но прорваться в город им не удалось. Фашисты были остановлены мощными ударами авиации, артиллерии и героическими действиями советских и югославских войск. Большая часть немецких частей была уничтожена и пленена.

...К 13 часам 20 октября 1944 года Белград был полностью очищен от фашистских захватчиков. Сложил оружие и гарнизон крепости Калемегдан, а еще через двое суток был взят и пригород столицы Земун. Белградская операция успешно завершилась.

В Банате и Воеводине успешно протекали боевые действия 46-й армии генерала И. Т. Шлемина, 2-го Украинского фронта, которым командовал маршал Р. Я. Малиновский. К 3 октября наши войска совместно с югославскими партизанами освободили на левобережье Дуная города Бела Црква, Вршац, Петровград и к 5 октября — Панчево и Кикинда. В ночь на 10 октября 109-я стрелковая дивизия с 12-й бригадой НОАЮ форсировала Дунай северо-восточнее Белграда.

Большую поддержку войскам нашего фронта в ходе операции оказала Дунайская военная флотилия под командованием адмирала С. Г. Горшкова. Личный состав ее не раз проявлял отвагу и героизм — при высадке десанта под командованием командира бригады капитана 2-го ранга Героя Советского Союза П. И. Державина у города Радуевац и при штурме Белграда. Помогали нам и местные жители, в частности, жители столицы Югославии. Они восторженно встречали войска Красной Армии-освободительницы, с честью выполнявшей свой интернациональный долг.

В октябре 1944 года в распоряжение Верховного командования НОАЮ была передана авиационная группа генерала Витрука. В ходе боевых действий советские авиаторы помогли югославскому командованию подготовить летно-технический состав и сформировать югославские первые дивизии штурмовой и истребительной авиации, которые уже с конца 1944 года героически сражались вместе с нашими летчиками против общего врага.

Так, на полях сражений минувшей войны кровью была скреплена братская, интернациональная дружба народов Советского Союза и Югославии в борьбе с фашизмом.

КОСМОНАВТЫ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ...

Фото А. Моклецова (АПН) и А. Гостева.

Павильон «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства, пожалуй, самый близкий для Валерия Кубасова, его жены Людмилы и для их дочки Кати.

Анатолий Филипченко и его сын Игорь наверняка ведут какой-то серьезный мужской разговор.

◀ Часы вечернего досуга Виктор Горбатко, его жена Валентина и их дочери Ира и Марина любят проводить вместе.

У Владислава и Людмилы ▶ Волковых бывают и такие беззаботные минуты.

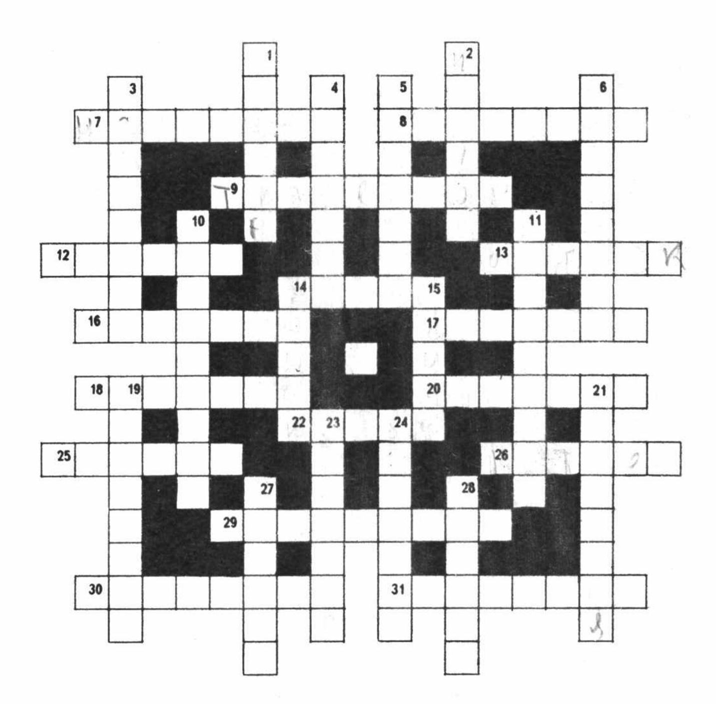
Владимир Шаталов и Алексей Елисеев в гостях у калужан.

▼

Космонавт должен уметь летать и на малых высотах. Георгий Шонин в плавательном бассейне.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман И. С. Тургенева. 8. Слесарный инструмент. 9. Радиотехническое устройство. 12. Река в Якутии. 13. Отпечаток текста, рисунка. 14. Единица измерения электрического сопротивления. 16. Певчая птичка. 17. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 18. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 20. Рассказ А. П. Чехова. 22. Лабораторный сосуд. 25. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 26. Синтетическое волокно. 29. Вечнозеленое дерево. 30. Разновидность линолеума. 31. Автор памятника А. С. Пушкину в Ленинграде.

По вертикали: 1. Спортивное судно. 2. Советский физиолог. 3. Курорт в Польше. 4. Математическое действие. 5. Ожерелье. 6. Наука о звуке. 10. Взрыватель основного заряда в боеприпасах. 11. Войсковое подразделение. 14. Охотничья дудочка. 15. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 19. Русский живописец. 21. Союзная республика. 23. Коллектив музыкантов. 24. Вершина Главного Кавказского хребта. 27. Рыба семейства карповых. 28. Французский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 5. Котельников. 8. Ужгород. 9. Браслет. 10. Лаура. 13. «Волга». 15. «Смена». 16. Мазурка. 18. Семинар. 19. Аргентина. 22. Шаланда. 23. Абрикос. 24. «Кукла». 26. Барий. 27. Литва. 30. Реторта. 31. Волопас. 32. Планиметрия.
По вертикали: 1. Тобол. 2. Пелотас. 3. Диорама. 4. Росси. 6. Джермук. 7. Мезонин. 11. Амальгама. 12. Зеленушка. 14. Градобоев. 17. Аорта. 18. Сунжа. 20. Татищев. 21. Мичиган. 24. Картинг. 25. Ариосто. 28. Сопло. 29. Фомин.

На последней странице обложки: Космонавт Георгий Шонин в кабине космического корабля «Союз-6». Экипаж корабля «Союз-7» — Владислав Волков, Анатолий Филипченко и Виктор Горбатко на космодроме. Экипаж корабля «Союз-8» — Владимир Шаталов и Алексей Елисеев перед стартом.
Снимки сделаны с экрана телевизора.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

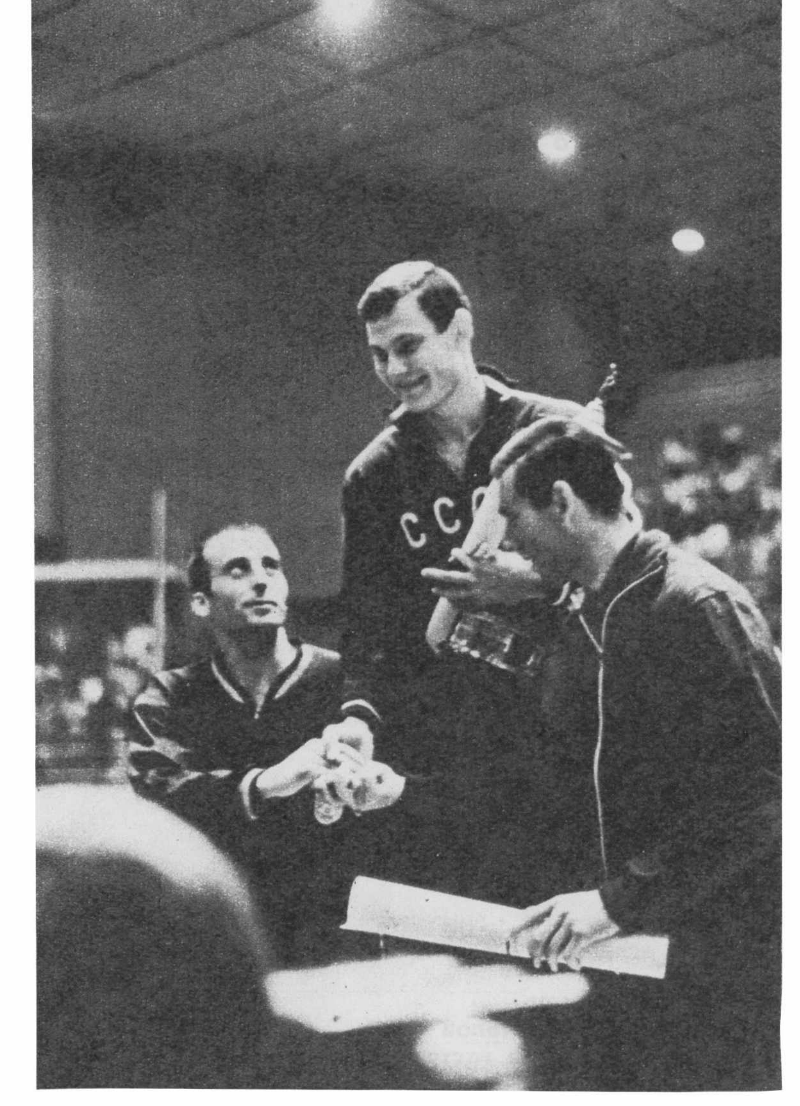
В послевоенные годы в нашу страну была заброшена группа английских шпионов. Советской контрразведкой создан из оперативных работников Комитета госбезопасности и бывших партизан отряд «лесных братьев», принявший ничего не подозревающих шпионов. Отряд обосновывается в бункерах, в лесах Латвии. «Лесными братьями» руководит бесстрашный чекист Викторс Вэтра (Лидумс). Почти полтора года «работа» шпионов проходит под неусыпным контролем наших контрразведчиков. Так начинается операция, получившая название «Янтарное море».

Читатели романа Н. Асанова и Ю. Стуритиса «Янтарное море» (см. «Огонек» №№ 1—13, 23—25, 27—29 за 1963 год) расстались с Лидумсом, когда его, завоевавшего доверие английской разведки, переправляют в Лондон.

С № 43 «Огонек» начинает печатать заключительную, вторую книгу романа — «Чайки возвращаются к берегу». В ней повествуется о пребывании Лидумса (он же Казимир) в Англии. Нелегка задача, поставленная перед ним советской контрразведкой: ему нужно изучить систему проникновения английских шпионов в нашу страну и контролировать эти тайные пути. Тяжела и трудна борьба Лидумса против умного и сильного противника, он «ведет большую и мужественную игру. Игру со смертью. Игру с одной из коварнейших разведок мира. Для него это совсем не игра. Это битва. Битва за свою Родину. Он на передовом посту».

В основу обеих книг романа положен документальный материал.

Роман иллюстрировал художник В. Вэтра, послуживший прототипом главного героя произведения.

Все позади. Победа! На трибуне почета капитаны команд СССР, Югославии и Чехословакии.

СЮЖЕТ

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО,

специальные корреспонденты «Огонька»

Поздним вечером, с пересадкой в Париже и в Риме, мы прилетели в Неаполь. В аэропорту было тихо и тепло. Вдали сверкали яркие городские огни. В черном небе мерцали звезды. Возле здания аэропорта мы встретили старшего тренера нашей баскетбольной команды Александра Гомельского. Он был в легкой голубой фуфайке. Глаза у него были тревожны. Обычно тренеры никогда не встречают журналистов: у каждого своя профессия. Он встречал одного из игроков. Но игрока не было. Игрок не прилетел. Он где-то затерялся в пути. А он был нужен, этот игрок. О том, что он был нужен, мы прочли еще в газете «Советский спорт», по пути в Италию. Александр Гомельский вполне резонно в интервью, данном спортивной газете, высказал мнение, что при нынешней технике и скорости баскетбольной игры необходим полный боеспособный комплект в двенадцать человек. Судя по тревоге в глазах Гомельского, у нас такого комплекта не было. Во всяком случае, Вольнов во время тренировок получил серьезную травму и, по существу, из игры выбыл. Нужна была замена Вольнову, а она, эта замена, была где-то в пути. Все меняется в наше время. Когда-то, школьником, и я играл в баскетбол. Но тогда мы играли пятеркой всю игру, безо всяких замен, тайм-аутов и выключенных секундомеров. Бегали, пасовали, бросали мяч в сетку. Теперь сетку стали называть корзиной. Это, наверно, правильно, если помнить, что на заре баскетбола мячи действи-

тельно бросали в корзину. Правильно, но не похоже. Под щитом висит сетка, если уж и похожая на что-либо, то скорей на «авоську». Но «авоська» — слово не международное, слишком хозяйственно-экономическое, так что и мы согласимся на корзину.

Одним словом, в глазах Александра Гомельского была задумчивая тревога, и эта тревога передалась нам. Не утверждаю, что всем, но мне она передалась. К тому у меня были еще дополнительные причины. Я был в Мексике на Олимпийских играх и видел, как наши баскетболисты проиграли югославской команде. И это тогда травмировало, морально, конечно, многих из нас. Тогда же мы проиграли и команде США. Но к этому мы привыкли. А к проигрышу югославам еще не привыкли. И, честно говоря, очень не хотелось привыкать. Особенно в Италии, имея в виду, что здесь происходило первенство Европы и американцев здесь не было.

Было еще одно обстоятельство, которое прямо как бы и не имело отношения к баскетбольным играм, но все же накладывало некую зловещую тень на предстоящие соревнования. Наша команда играла во второй группе в городе Казерте. В этом городе расположен старый дворец неаполитанских королей, в котором они пребывали обычно летом (официально говоря, летняя резиденция неаполитанских владык). Недавно этот дворец занял на довольно долгий промежуток времени советский кинорежиссер Сергей Бондарчук, снимавший здесь дворцовые сцены для фильма «Ватерлоо», и здесь же произошло довольно драматическое событие. Местные болельщики, рассердившись на махинации спортивных боссов, помешавших переводу футбольной команды города Казерты в более высокую лигу, разгромили помещение «футбольного оффиса». На фотографии «Огонька», если помнит читатель, была видна улица, сплошь заваленная бумагой и всякими деловыми папками, показывающими, что итальянской футбольной лиге весьма не чужда бумажная бюрократическая переписка. Какое новое Ватерлоо вынашивали в горячих головах темпераментные болельщики города Казерта, можно было только предполагать.

Я не буду загромождать свои записки подробным описанием каждой игры. Об этом уже много было написано в газетных отчетах, интересно и живо сделанных дружным коллективом специальных спортивных корреспондентов ежедневных изданий, но вместе с тем я не могу и не вспомнить некоторые волнующие моменты, которые сопутствовали почти каждой встрече. Первая встреча наших баскетболистов была со спокойной и очень корректно играющей командой Венгрии. Она играла весьма корректно, но вместе с тем и весьма настойчиво. Настолько настойчиво, что в первом периоде раза два вела в счете. Более закаленные болельщики успокаивали меня: «Все в порядке». Но порядка особого не было. Наши игроки тоже корректны, но счет в первом тайме продвигался медленно. Относительный порядок наступил во втором. Мы выиграли. Облегченно вздохнув, я вышел на воздух. Видимо, желая также подышать свежим воздухом, вышел из душного помещения и Гомельский. Я поздравил его с победой. Гомельский вяло ответил на мое рукопожатие.

— Я недоволен игрой,— сказал он.— Очень медленно разыгрывались.

— Но все же выиграли.

— «Все же» нам не годится.

— А в чем дело?

— Собственно, дела нет... Некоторые игроки получили травмы. Поливода болен и еще не вернул форму. А впереди самые серьезные игры.

— Югославы?

— Не только югославы... Очень прочно играют болгары.

— У вас сомнения?

— Сомнений у меня быть не может. Мы должны выиграть, но... Но не будем загадывать. А кстати, югославы очень хорошо играют. Проигрыш наш в Мексике не так уж случаен.

Теперь, задним числом, я могу признаться, что последние слова обдали меня жаром. Ведь я услышал их из уст старшего тренера! И тут я снова вспомнил задумчивую тревогу в глазах Гомельского.

На другой день мы приехали в Казерту. Когда мы появились на своих журналистских местах, то увидели на электротабло цифры: Югославия — 09, Швеция — 39. Мы пришли в неописуемое волнение. Как? Шведы выигрывают у югославов?! Да еще с таким счетом? Но также мгновенно одно настроение со скоростью баскетбольного мяча, брошенного через всю площадку, перешло в другое. На табло не были запроектированы цифры для трехзначного счета. Встреча югославов со шведами заканчивалась. Прошло две минуты с секундами — и все стало на место. Югославская команда выиграла у шведской со счетом 115 : 43. И я вспомнил слова Гомельского, сказанные мне накануне: «Проигрыш наш в Мексике не случаен».

В этот же день мы играли (да простит меня читатель за выражение «мы играли»!) с греческой командой. Скамьи, где располагались команды, были прямо перед нами на расстоянии одного метра. Словно в увеличительное стекло мы видели каждого игрока. Они перемигивались друг с другом и с кем-то невидимым, кто сидел над нами на балконе. Лица у греческих игроков были заранее злыми.

— Ждите античного представления с жертвоприношениями,— сказал мне польский журналист, сидевший рядом с нами.

Он не ошибся. Игра началась грубо. Греки падали, хватались за голову и за прочие части туловища. Зачастил судейский свисток. Во время одного из столкновений на площадке тренер греческой команды Масаеу выскочил на поле, закричал на судью. Игроки грозили судьям кулаками. Один из запасных игроков полоснул судью по спине мокрой фуфайкой. Атмосфера накалялась соответственно с увеличением счета в пользу нашей команды. Болельщики с балкона кидали на площадку апельсиновые корки, сыпали бумажную шелуху. Надрывно выли сирены. Мы смотрели на наших игроков. Гомельский взял перерыв. Игроки сгрудились возле него. Он что-то им говорил. Мы не слышали его слов. Но мы видели его лицо. Оно было спокойно. Удивительно спокойно. «Вот, черт! — подумал я.— Человек имеет железные нервы». Спокойствие Гомельского передалось игрокам. Мы, конечно, выиграли игру. Игровая провокация не удалась. Я смотрел на греческого тренера. Он извивался от ярости. К слову сказать, во время игры греков с болгарской командой полиция, надев наручники, выволокла из зала двух греческих болельщиков.

БАСКЕТБОЛА

Предстояла наша игра с югославской командой. В то же время в Неаполе встречались чехословацкая и итальянская команды. Что было нам делать? Ехать в Казерту или остаться в Неаполе? Мы разделились. Часть из нас осталась в Неаполе. Мы понимали, что тут, в Неаполе, будет еще одно представление. Мы не ошиблись. Более 10 тысяч человек заполнили новый спортивный зал. Вот тут мы с особой силой услыхали и увидели разгул страстей болельщиков. Что только не происходило в зале! Болельщикам уже мало показалось обычных сирен. Приволокли пароходную. Трещотки уже казались воробьиным щебетанием. Один из польских журналистов спросил итальянского журналиста, что он думает о том, кто выиграет. Итальянец, усмехнувшись, сказал: «Чехи же теперь наши друзья. Они дадут нам возможность выйти в финал»,— и похлопал собеседника по плечу. Но что-то на площадке не было видно, что чехословацкая команда собирается проигрывать. Шла упорнейшая борьба. К пятой минуте счет был 5 : 5. К восьмой — 15 : 15. В это время по радио объявили, что наши проиграют югославам 11 : 15. Но и здесь баскетболисты Чехословакии сдвинулись с ничейного счета. Медленно и упорно отрывались они от итальянцев. Когда игроки Чехословакии бросали штрафные мячи с противоположной трибуны, болельщики махали куртками, словно пытаясь отогнать мяч от сетки. Слабонервные болельщики закрывали лица руками. В зале стоял дикий вой. Над одним из входов в спортзал висела икона, и перед ней горела свеча. Это была икона святого Януария, покровителя города Неаполя. Над иконой протянулся плакат со словами: «Святой Януарий, сделай». Но в первом тайме святой Януарий не сделал. Первый тайм заканчивался со счетом 36 : 30 в пользу чехословацкой, очень напористой и техничной команды.

Второй тайм оказался еще более острым. К середине его счет не один раз уравнивался. Шла прекрасная спортивная борьба. От колебания пламени свечи казалось, что святой Януарий то морщится, то улыбается. За три минуты счет стал 63 : 59 в пользу команды Чехословакии. Итальянский тренер взял перерыв. Игроки собрались возле него. Тренер почти ничего им не говорил. Сжав кулаки, игроки прикоснулись к руке тренера. Это была последняя клятва. В последние секунды итальянцы отыграли еще три очка. Судейский выстрел из пистолета закончил игру на счете 63 : 62 в пользу чехословацкой команды. Это была заслуженная победа. Святой Януарий не сделал. Чехословацкая команда сыграла не на итальянцев, а на себя, на свой спортивный престиж. Но к концу игры мы уже знали, что в Казерте наши проиграли югославской команде.

Итак, проигрыш в Мексике и проигрыш в Казерте!

В отеле мы встретились с теми, кто смотрел игру в Казерте. Они были мрачны. Только один из них сказал: «Ничего. Все будет в порядке. Три раза подряд не проигрывают одной и той же команде». Но тут я снова вспомнил слова Гомельского о Мексике. «Все будет в порядке,— повторил оптимист,— теперь все начинается сначала».

Вот именно сначала. Теперь нам предстояло играть с чехословацкой командой. Она была на волне выигрыша, мы — на отмели проигрыша. Перед игрой один пражский журналист сказал мне: «Не волнуйтесь, наша команда проиграет вам с разрывом в 8—10 очков». Я вполне искренне воскликнул: «Это было бы отлично!» Он улыбнулся: «Однако вы откровенны». «А что нам остается делать?» — ответил я ему.

Но перед нашей игрой мы еще раз посмотрели игру высокого спортивного накала Югославии и Польши. Молодая польская команда доставила много забот югославским игрокам. Особенно во втором тайме. Счет не раз становился ничейным. А на 13-й минуте поляки вели игру с отрывом на четыре очка. Но более опытные югославы все же за 90 секунд до конца сравняли счет — 74 : 74, а затем забросили еще один мяч и выиграли. Польская команда проиграла, но показала себя очень перспективной и волевой. Забегая вперед, скажу, что и в игре с чехословацкой командой поляки, проигрывая в начале первого тайма,

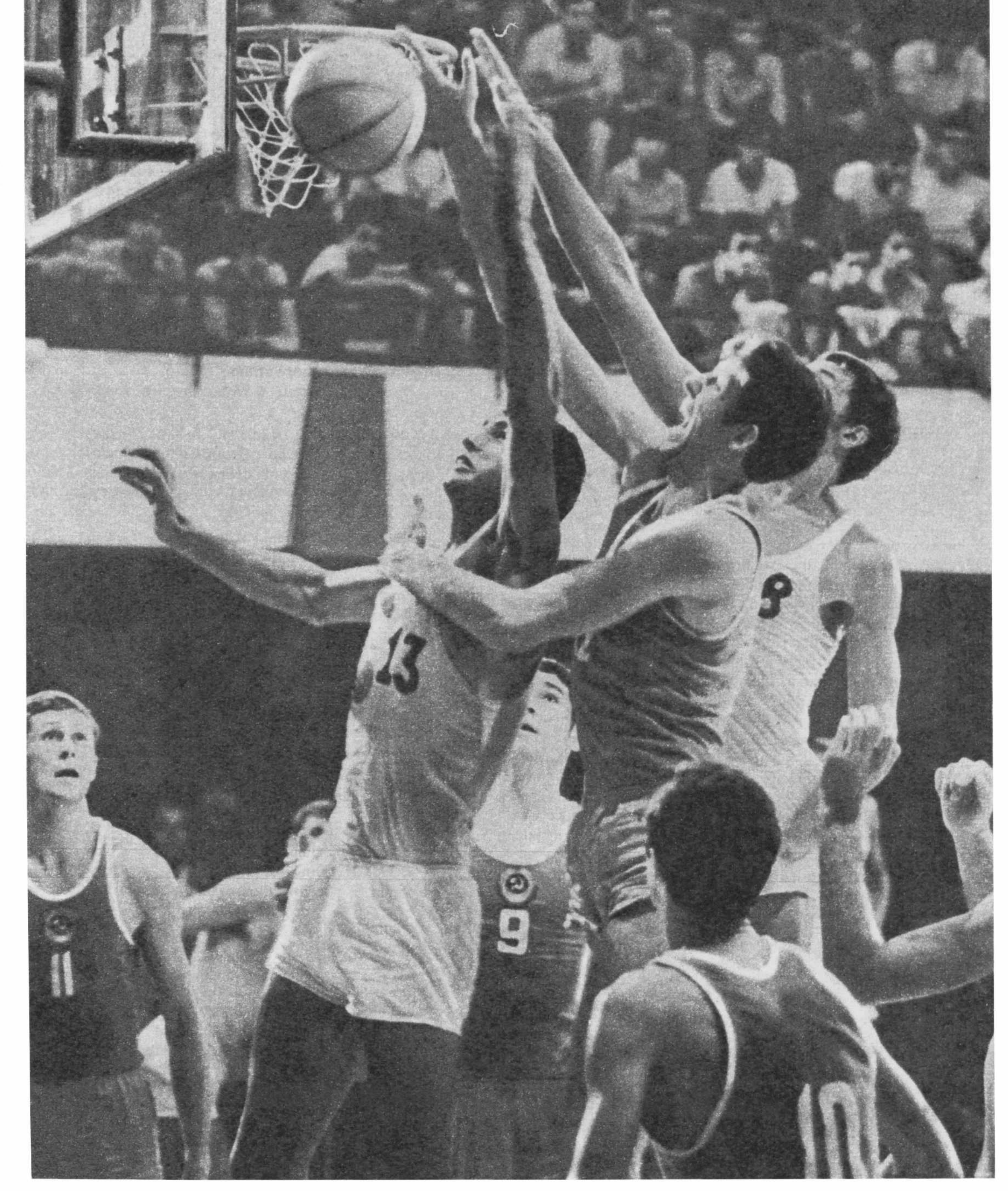
не только догнали своих соперников, но во втором тайме несколько раз уходили на одно-два очка и проиграли лишь на последних секундах два очка...

Чешский журналист, беседовавший со мной, несколько ошибся в соотношении очков. Советская команда выиграла с разрывом в четырнадцать очков. Борьба была острая, захватывающая и снова показала, что в лице чехословацкой команды мы имели достойных соперников.

Итак, оставалась последняя игра.

Торопливая итальянская печать, как всегда, забегала вперед, во всяком случае, значительно дальше, чем ее баскетбольная команда, занявшая благополучное шестое место. Ее прогнозы выходили за спортивные пределы. В одной из газет промелькнуло предположение, что в случае проигрыша тренер Гомельский будет отстранен от работы. Говоря мне об этом, Александр Яковлевич улыбался: «Это психическое воздействие на меня». Но, как бы там ни было, напряжение и острота, как писали раньше в спортивных отчетах, достигли апогея. Кто кого? Чья тактика победит? Кто сумеет сразу захватить инициативу? А захватив ее, кто удержит эту самую инициативу? Надо сказать, что неаполитанские тифози, то бишь болельщики, после проигрыша итальянской команды несколько поостыли. Уже не было иконы святого Януария и не горела свеча. Мелкие политические страстишки были отжаты на задний план настоящим высоким спортивным духом и подлинно товарищеским отношением друг к другу вышедших в финальную четверку команд четырех социалистических стран. Как дурной сон вспоминалась нам игра с греческой командой и ее патологический тренер, вдохновлявший своих игроков не столько на игру, сколько на скандалы.

Но товарищество товариществом, а спорт есть спорт. Бросок молодого и цепкого в игре Виталия Застухова принес нам первые два очка. Первый кирпич в фундамент игровой инициативы. Наши сразу повели в счете. На табло — 12 : 3. Бросками Андреева и Паулаускаса завершилась вторая минута. Что это? Неужели югославы растерялись? Нет! Югославы собираются с силами. Пятая минута, счет 14 : 7. Но это еще жить можно. Гомельский внимательно смотрит за каждым игроком. Меняет тех, кто устал или не находит своего места в столь ответственной игре. Десять минут. Счет 25 : 13. Это нам годится! Но следующая пятиминутка сокращает разрыв до 4 очков. Это уже опасно! Еще смена... Еще... Снова появляются на площадке подлинные герои этой напряженнейшей игры — Паулаускас и Андреев. Первый тайм заканчивается с разрывом на восемь очков — 41 : 33.

Борьба у корзины.

В перерыве я спустился в пресс-центр. Там технические работники спокойно приклеивали к большому листу желтой бумаги результаты встречи команд Чехословакии и Польши. Десять команд из двенадцати уже получили то, что завоевали. Первые два места еще не были обозначены.

Второй тайм. Снова страсти. В эти двадцать минут можно было прожить двадцать жизней. Кажется, я преувеличиваю. Возможно. Но не очень. Попробуйте посидите спокойно на месте, когда остается 10 минут игры, а разрыв сократился до одного, всего одного очка — 60 : 59! И снова на поле Андреев, Сергей Белов, Вольнов. Снова Паулаускас. Остается пять минут. Разрыв увеличился. На табло сверкают цифры 74 : 65. Но еще целых пять минут. Целых пять! Югославы нервничают. Судья назначает штрафной за штрафным. Но наши предпочитают боковые ауты. Так, чтобы мяч был в их руках. Это все-таки лучше, чем в руках таких первоклассных игроков, как югославы. Остались полторы минуты... Минута! Пошли секунды!.. Последний бросок Сергея Белова. Счет 81 : 72. Выстрел пистолета тонет в овациях и криках: «Русо! Русо! Советико!» Точка. Звание чемпионов Европы по баскетболу снова завоевано советскими баскетболистами. И вот уже Гомельский взлетает на руках наших баскетболистов. Взлетает даже выше Владимира Андреева, на счету которого в этой игре 18 очков. Мы спрашиваем капитана команды Паулаускаса, что он думает об игре. Он еще дышит огнем спортивной борьбы: «Хотелось, чтобы все играли в полную мощь. Чтобы молодые сыграли равноправно и вошли в команду». Тренер Юрий Озеров говорит нам: «Команда вышла на поле с одной мыслью — победить». Победили. Хорошо победили. Достойно.

И вот уже поднимается красный советский флаг и неаполитанский оркестр играет Гимн Советского Союза.

И, смотря на медленно поднимающийся алый флаг, Гомельский взволнованно произносит:

— Пошел наш родной...

* * *

Вот и все. Весь рассказ о баскетболе. Весь его сюжет, если он и был. А он был. Этот ненаписанный, пополнявшийся ежедневно сюжет был такой острый и напряженный, что его трудно сравнить с каким-либо другим. Я бывал на Олимпийских играх в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Мехико. У нас были там радости и печали. Но опечалившись в одном месте, ты мог возликовать в другом. Такова структура Олимпийских игр. Здесь же было одно: баскетбол. И больше ничего. И потому все чувствовалось острее. А сколько таких одиночных соревнований приносит нам спорт! И как радостно, что ты можешь написать и о спортивной борьбе и о патриотизме. Не о том, когда на трибунах воют, верещат трещотки, сирены и пароходные гудки, а о том настоящем патриотизме, что наполняет наши сердца гордостью за волю, решимость и высокое мастерство наших советских спортсменов. И как же обидно бывает, когда наши спортсмены вдруг за рубежом иногда теряются, никнут перед равными и даже более слабыми соперниками. В Неаполе этого не случилось.

И это прекрасно.

Неаполь — Москва.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Неаполитанские страсти.

А. Я. Гомельский взял тайм-аут.

Не устояли.

Итальянские баскетболисты.

Полиция начеку.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00422. Сдано в набор 30/IX-69 г. Подписано к печ. 14/X-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 2061. Заказ № 2718.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Индекс 70663.

